

З. В. УДАЛЬЦОВА

КРУПНОЕ СВЕТСКОЕ И ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ИТАЛИИ VI в.

В буржуазной историографии довольно широко распространено мнение о том, что во время правления остготов в Италии не произошло каких-либо существенных изменений в социально-экономической структуре общества¹. Однако изучение источников опровергает эту точку зрения и показывает, что остготский период итальянской истории являлся важным этапом в развитии феодальных отношений на Апеннинском полуострове.

Важнейшими источниками, содержащими ценные сведения о наиболее существенных изменениях, происшедших в сфере социально-экономических отношений Италии в период правления остготов, являются прежде всего эдикт Теодориха² и обширное собрание рескриптов, писем и различных актов и предписаний остготского правительства, составленное Кассиодором³.

Эдикт Теодориха, изданный остготским правительством в 512 г.⁴, представляет собой собрание законодательных актов, касающихся важнейших вопросов гражданского и уголовного права; значительное место в этом эдикте отводится регулированию прав собственности, наследования и завещаний, брачного права, взаимоотношений между различными социальными категориями населения Италии, определению статуса зависимого населения и наказаний за всевозможные правонарушения.

Эдикт Теодориха — один из ценных законодательных памятников раннего средневековья — неоднократно являлся предметом исследования буржуазных ученых. Труды некоторых буржуазных исследователей отличались тонкостью и скрупулезностью источниковедческого анализа этого памятника: этими учеными проведена большая работа по выявлению состава эдикта и его источников, по сопоставлению содержания

¹ W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*. München, 1951; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, Paris, 1949, p. 131—132.

² *ETH. MGH. Legum sectio I*, t. V, ed. Fr. Bluhme. Hannoverae, 1875, p. 152—168.

³ *Cassiodori Variarum*. MGH. *Auctores antiquissimi*, t. XII, p. 1—385.

⁴ О дате издания эдикта Теодориха см. G. Pfeilschifter. *Der Ostgotenkönig Theoderich der Grosse und die katholische Kirche*. Berlin, 1896, S. 7; L. Schmidt. *Die Ostgermanen*. Berlin, 1910, S. 386; J. Sundwall. *Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums*. Helsingfors, 1919, S. 219.

этого памятника с постановлениями римского законодательства и предписаниями германского обычного права¹.

Однако по вопросу о происхождении этого памятника и степени его зависимости от римского законодательства и германского обычного права среди буржуазных исследователей существуют значительные расхождения². Как правило, выводы того или иного автора относительно состава и источников эдикта Теодориха во многом определяются политическими взглядами и национальными симпатиями исследователя: одни ученые, принадлежащие обычно к романистическому направлению, стремятся акцентировать внимание на выявлении римских источников эдикта Теодориха и находят истоки этого памятника исключительно в римском законодательстве³; другие же исследователи, являющиеся выразителями германистической точки зрения, прилагают немало усилий для выяснения влияния германского обычного права на то или иное предписание эдикта Теодориха⁴. Весьма разноречива и крайне тенденциозна также и общая оценка этого памятника в буржуазной историографии раннего средневековья. Некоторые буржуазные ученые, постулируя исключительно римское происхождение этого законодательного памятника, считают, что эдикт Теодориха не внес ничего существенно нового по сравнению с римским правом и поэтому как исторический источник не имеет никакого самостоятельного значения, а представляет известный интерес лишь как свидетельство неоспоримого господства римского права в остготском королевстве⁵. Подобная нигилистическая оценка этого важнейшего памятника остготского периода итальянской истории получила довольно широкое распространение в буржуазной историографии романистического направления⁶, хотя она основывается отнюдь не на глубоком изучении памятника и сопоставлении его предписаний с римским законодательством, а главным образом на априорных и тенденциозных построениях ученых этого направления. По мнению некоторых ученых, отстаивающих подобную точку зрения, эдикт Теодориха имел преимущественно консервативный характер, сохранял основы римской цивилизации и не вносил каких-либо существенных изменений в социально-экономические отношения того времени⁷.

В противовес точке зрения ученых этого направления, буржуазные исследователи германистической школы явно преувеличивали влияние германского обычного права и германских общественных отношений

¹ G. F. Rhön. *Edictum Theoderici*. Halae, 1844; F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, Würzburg, 1866, S. 1—122; *Edictum Theoderici*, Commentar ab Fr. Bluhme. MGH. Legum t. V, p. 145—149; L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter* Bd. I. Leipzig, 1897, S. 114—118, 129; W. Ensslin. *Theoderich der Grosse*, S. 227—243.

² Так, например, Ф. Дан в трактовке отдельных статей эдикта и в определении их источников весьма часто самым решительным образом расходится с Роном (F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 48, 62, 64—65, 80, 86) и др., а в то же время издатель эдикта Ф. Блуме в свою очередь во многих случаях не соглашается с выводами Дана и иногда поддерживает точку зрения Рона (Fr. Bluhme. *Commentar*, p. 154 etc.).

³ J. Glöden. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*. Jena, 1843; D. K. Hegel. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*, Bd. I. Leipzig, 1847, S. 101—102, 105.

⁴ F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 41—42, 84—85, 96—97, 100 etc.

⁵ J. Glöden. *Das römische Recht im ostgotischen Reiche*, S. 73.

⁶ D. K. Hegel. *Geschichte der Städteverfassung von Italien*. Bd. I, S. 101, 104.

⁷ H. St. Moss. *La naissance du moyen âge* (395—814). Paris, 1937, p. 94; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 132—133.

на законодательство остготского правительства, иногда прибегая к разного рода гипотетическим построениям для обоснования своей концепции; однако попытки этих ученых выявить то новое, что было внесено в эдикт Теодориха по сравнению с римским законодательством, во многих случаях оказались плодотворными и дали возможность определить весьма существенные нововведения в законодательстве остготов этого периода¹. Тем самым изыскания этих ученых расширили наши знания о той отдаленной эпохе и принесли больше пользы, чем исследования тех представителей романистической школы, которые начисто отрицали наличие в эдикте Теодориха каких-либо элементов нового по сравнению с предписаниями римского права. Однако исследования Ф. Дана и его последователей были бы значительно более эффективными, если бы над ними не довели националистические идеи, заставлявшие их искать истоки появления того или иного постановления эдикта Теодориха не в реальной действительности V—VI вв., а в неких отвлеченных германских „началах“ общественной жизни.

Между тем лишь в свете изучения реальных изменений социально-экономической жизни Италии того времени могут быть определены характер и общая направленность этого важного законодательного памятника раннего средневековья.

Именно в синтезе общественных отношений остготов и римлян, во взаимодействии их социальных и правовых институтов и следует, на наш взгляд, искать ключ к пониманию значения эдикта Теодориха и других законодательных предписаний остготского правительства. Точно так же характер и социальная направленность тех весьма существенных нововведений, которые были внесены в остготское законодательство по сравнению с римским правом, не могут быть поняты вне органической связи с реальными изменениями в социально-экономических и политических отношениях того времени. И хотя в основе большинства статей эдикта Теодориха лежат постановления, почерпнутые из римского права, следует признать, что эти предписания римских юристов подверглись значительному изменению под воздействием новых общественных отношений, развивающихся в Италии на основе синтеза римских и германских социально-экономических и политических институтов.

Общая политическая и социальная направленность законодательства, подбор материала эдикта, весьма важные и довольно многочисленные отклонения от установлений римского права, изменения в положении отдельных категорий зависимого населения и в формах и видах наказаний за различные правонарушения, стремление законодателя самыми суровыми мерами поддержать авторитет предписаний эдикта и добиться их неуклонного выполнения, — все это свидетельствует о том, что эдикт Теодориха не был лишь мертвой буквой и простым переложением римских законов. Нет сомнения, что эдикт Теодориха являлся реально действующим правом, в котором нашли отражение существенные изменения, происшедшие в сфере экономики, социальной структуры общества и политических взаимоотношений различных слоев населения Италии в период, непосредственно следовавший за завоеванием этой провинции остготами.

Таким образом, не подлежит сомнению, что эдикт Теодориха не был лишь рецепцией римского права или механическим соединением римского законодательства с обычным правом германских племен,

¹ F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 40—102.

а являлся прежде всего отражением общественных отношений, существовавших в реальной действительности того времени: он фиксировал и закреплял те важнейшие изменения в социально-экономической жизни Италии, которые произошли в V—VI вв.

Социальная направленность эдикта Теодориха и других законодательных памятников той эпохи была обусловлена реальными классовыми и политическими целями господствующего класса остготского общества — феодализирующейся остготской знати, интересы которой выражало правительство Теодориха. В силу этого был произведен отбор именно таких постановлений римского законодательства и германского обычного права, которые отвечали насущным экономическим и классовым интересам остготской знати и закрепляли преимущественно те изменения в сфере общественных отношений, которые были ей в той или иной степени выгодны.

Вопреки демагогическим утверждениям законодателя о том, что целью издания эдикта является забота правительства об общем благе всех подданных¹, предписания этого важнейшего законодательного памятника остготского королевства носят ярко выраженный классовый характер. Основной задачей законодательства является защита интересов крупных земельных собственников² из числа остготской и римской знати, укрепление авторитета центральной власти³, беспощадное подавление всякого сопротивления со стороны народных масс⁴. Классовая направленность эдикта Теодориха особенно отчетливо проявляется в суровых постановлениях, касающихся различных категорий зависимого населения, особенно рабов и колонов⁵. В этих постановлениях эдикта не только всегда защищаются интересы господствующего класса, но в ряде случаев в угоду крупным, собственникам санкционируется дальнейшее ухудшение положения зависимого населения⁶.

Вместе с тем в эдикте Теодориха, как и в других законодательных памятниках той эпохи, нашла свое отражение политика остготского правительства в отношении крупных римских землевладельцев и католической церкви: постановления эдикта отмечены стремлением привлечь на сторону правительства римскую земельную аристократию и католическое духовенство⁷. Подобная политика в свою очередь имела реальную основу в общих классовых интересах, сближавших остготскую знать и римскую земельную аристократию.

В связи с этим необходимо отметить, что эдикту Теодориха и другим предписаниям остготских королей не присуща племенная исключительность. Постановления эдикта Теодориха в равной степени относятся как к римлянам, так и к готам, которые именуются в эдикте „варварами“⁸. В заключительной статье эдикта Теодориха особо подчеркивается, что эдикт издан „на благо“ всем подданным, как „варварами“, так и римлянам, и что его предписания в равной степени должны выполняться и римлянами, и готами. Наблюдение за выполнением предписаний эдикта при этом возлагалось на особых судей, которые обязаны были одинаково сурово карать всех нарушителей постановлений

¹ ETh, praef.

² ETh, praef., § 12, 16, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 47, 76, 104, 132, 137, 142, 144 etc.

³ ETh, praef., § 155.

⁴ ETh, § 97, 107 etc.

⁵ ETh, § 21, 56, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 77, 84, 85, 86, 87, 94, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 109, 117, 120, 121, 128, 141, 142, 148, 150, 152.

⁶ ETh, § 84, 97, 104, 109, 121, 142.

⁷ ETh, § 26, 70, 71, 125, 126, 154 etc.

⁸ ETh, praef., § 155.

эдикта, будь то римляне или готы¹. Лишь в отдельных случаях в эдикте Теодориха особо оговариваются некоторые привилегии остготской знати и остготских воинов², о чем подробнее будет сказано ниже³.

Вместе с тем эдикт Теодориха и другие законодательные памятники того времени содержат ценные сведения о формах и характере классовой борьбы в Италии в период правления первых остготских королей⁴, проливают некоторый свет на расстановку классовых сил в стране, а также помогают глубже уяснить причины и характер борьбы внутри господствующего класса Италии того времени⁵. Все это делает эдикт Теодориха одним из важных источников по истории раннего средневековья.

Все предписания эдикта Теодориха были в 533—534 гг. вновь подтверждены особым эдиктом его внука короля Аталариха⁶. Подобное подтверждение предписаний эдикта Теодориха указывает, что правовые нормы, введенные при Теодорихе, продолжали в основном отвечать интересам господствующего класса остготского общества еще спустя 20 с лишним лет после издания эдикта. Вместе с тем это свидетельствует, что в реальной действительности того времени постановления остготского законодательства отнюдь не всегда выполнялись, ибо они нуждались в новом подтверждении. Это особенно относится к постановлениям эдикта Теодориха, направленным против насильств⁷ и злоупотреблений судей и других государственных чиновников⁸.

Важные сдвиги, происходившие в социально-экономической и политической жизни Италии рассматриваемой эпохи, не могут быть всесторонне изучены без привлечения другого ценнейшего источника того времени — произведений Кассиодора. Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор (ок. 485—578 гг.) происходил из знатной семьи; его предки были родом из Сирии, но затем приобрели большие земельные владения в Бруттии. Отец Кассиодора в правление Одоакра занимал высокие государственные посты (*comes rerum privatarum* и *comes sacrum largitionum*), а затем был наместником острова Сицилии. Во время вторжения остготов в Италию он перешел на сторону Теодориха и за это был назначен правителем Калабрии, а затем и префектом претория остготского государства (503—507 гг.). Его сын начал свою государственную карьеру еще во время префектуры отца в качестве одного из его помощников. Обладая недюжинным литературным талантом и выдающимся красноречием, Кассиодор написал панегирик в честь короля Теодориха, что позволило ему выдвинуться при остготском дворе. Затем он достиг высших государственных должностей⁹ и занимал пост префекта претория с 533 по 538 гг., т. е. в правление Аталариха и Амалазунты, Теодата и Витигиса; тот факт, что Кассиодор сохранял этот пост при многочисленных сменявших друг друга правителях, указывает, что он был весьма полезен остготскому правительству в качестве знающего и энергичного администратора и широко образованного человека. Вместе с тем это является свидетельством политической гиб-

¹ ETh, § 155.

² ETh, § 32, 34, 43, 44, 145; Cassiod. *Variae*, VIII, 23.

³ См. ниже, стр. 87—88.

⁴ ETh, § 16, 56, 57, 68, 69, 75, 77, 80, 84, 85, 87, 89, 97, 104, 107, 108, 141, 151.

⁵ Ibid. § 10, 12, 31, 43, 44, 45, 47, 69, 74, 75, 76, 77, 89, 114, 122, 150, 155.

⁶ См. Cassiod. *Variae*, IX, 18.

⁷ EAth, § 1, 2, 8.

⁸ EAth, § 1, 3, 12.

⁹ См. E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, t. II, p. 109.

кости этого знатного римлянина, соединявшего льстивость царедворца с энергией государственного человека и ловкостью умного и осторожного политика, сумевшего приспособиться к новым правителям¹. После гибели остготского королевства Кассиодор переселился в Византию и возвратился в Италию лишь на склоне лет. Последние годы жизни он всецело посвятил литературным занятиям и закончил свои дни в Монте-Кассинском монастыре².

По своим политическим взглядам Кассиодор принадлежал к той части земельной аристократии Италии, которая пошла на сближение с остготской знатью во имя сохранения своего привилегированного положения. Кассиодор был одним из наиболее видных представителей римской аристократии, отдавшей свои знания и талант на службу готам. Он являлся ревностным проводником политики сближения римской и остготской знати. Литературное наследие Кассиодора довольно обширно, но в качестве исторического источника представляет далеко не одинаковую ценность. Наибольшее значение для изучения социально-экономической и политической жизни того времени бесспорно имеет составленное Кассиодором собрание посланий и рескриптов остготских королей и многочисленных постановлений префектуры претория (всего около 400), относящееся к 506—537 гг. и известное под названием „*Variae*“.

Большой заслугой Кассиодора является то, что он собрал в единый свод значительное количество законодательных актов, рескриптов, административных предписаний и различных посланий остготских правителей. Являясь их деятельным помощником, он принимал личное участие в составлении и редактировании многих из этих документов.

Обширное собрание рескриптов остготских королей, содержащее разнообразные сведения по социально-экономической и политической истории остготского государства, во многих случаях помогает установить, насколько адекватны реальной действительности были те или иные законодательные мероприятия остготского правительства и какой отклик они встречали со стороны различных социальных слоев населения Италии. Особый интерес представляют известия Кассиодора, относящиеся к внутренней, социально-экономической истории остготского государства и проливающие некоторый свет на положение народных масс Италии и их классовую борьбу³. Эти известия, несмотря на их тенденциозность, порою достаточно обстоятельны и помогают выяснить реальные изменения, происшедшие в процессе развития феодальных отношений в положении различных категорий зависимого населения Италии, в частности в положении рустиков, колонов и рабов⁴.

¹ Политическая роль Кассиодора в истории остготского королевства нашла противоречивую оценку в научной литературе. Так, например, некоторые буржуазные исследователи, явно преувеличивая влияние Кассиодора, считали, что именно он вдохновлял и направлял всю политику остготского правительства при короле Теодорихе (см. F. Schneider. *Rom und Romgedanke im Mittelalter*. Berlin, 1926, S. 43, 86—88). В противоположность им Э. Штейн, не отрицая значения Кассиодора в истории культуры остготского общества, отказывается признать его решающее влияние на политику остготского правительства (E. Stein. *Op. cit.*, S. 109). По мнению Штейна, тот факт, что Кассиодор оставался префектом претория при различных остготских королях, свидетельствует, что его влияние на политические дела было не столь значительным и что он был нужен остготским королям как умелый администратор и энергичный проводник политики сближения готов и римлян (E. Stein. *Op. cit.*, p. 129).

² E. Stein. *Op. cit.*, S. 619—620.

³ Cassiod. *Variae*, I, 20, 30—33; VI, 6, 8; IV, 43; IX, 17 etc.

⁴ *Ibid.*, II, 13, 19, 29; III, 14, 32; V, 12, 39; VI, 8, 9, 24; VIII, 31—33; IX, 10; X, 5, 8; XI, 10 etc.

„*Variae*“ Кассиодора, так же как и эдикт Теодориха, являлись предметом специального исследования в научной литературе; наибольшее внимание анализу этого памятника уделено в трудах итальянских историков и экономистов, которые в большинстве случаев весьма высоко оценивают его как исторический источник¹. Особо следует отметить попытку итальянского историка и экономиста Дж. Сальвиоли воссоздать на основании изучения сочинения Кассиодора картину аграрных отношений в Италии в период остготского владычества².

Из других произведений Кассиодора следует особо упомянуть его краткую историческую хронику, написанную в 519 г. по просьбе наследника престола остготских королей Евтариха³. В этом произведении Кассиодора правление остготов в Италии рисуется в крайне панегирических тонах. Подобная же политическая тенденция была еще более ярко выражена в другом обширном историческом труде Кассиодора „История готов“, который, к сожалению, до нас не дошел. Известное представление о некоторых частях этого утраченного труда Кассиодора мы можем составить по переложению их у Иордана, который сократил их и подверг переработке. В этом сочинении Кассиодор, используя доступные ему официальные источники и свои личные наблюдения, пытался дать историю готов; при этом он тенденциозно утверждал, в угоду новым правителям Италии, что готы с древнейших времен восприняли высокую римскую культуру и питали дружеские чувства к Римской империи. Одновременно Кассиодор льстиво восхвалял правление остготских королей из рода Амалов и утверждал, что этот род принадлежал к числу древнейших и наиболее прославленных королевских династий народа готов⁴.

Учитывая слабые стороны произведений Кассиодора, их крайнюю тенденциозность, политическую ориентацию и ярко выраженную классовую направленность, необходимо с известной осторожностью подходить к некоторым сообщаемым ими сведениям, проверяя их на основании данных других источников. В то же время следует признать, что по широте охвата важнейших исторических событий, по обилию и разнообразию материалов, касающихся вопросов социально-экономической жизни, труды Кассиодора, в частности его „*Variae*“, принадлежат к числу источников первостепенной важности.

КРУПНОЕ СВЕТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ИТАЛИИ В VI в.

Уже самый характер раздела земель в Италии во время остготского завоевания⁵ таил в себе семена будущего роста крупного землевладения остготской и перешедшей на сторону готов римской знати, и эти семена уже в VI в. дали обильные всходы.

¹ O. Bertolini. *Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi*. Bologna, 1941; P. S. Leicht. *Storia del diritto pubblico Italiano*. Milano, 1938; G. Volpe. *Per la storia giuridica ed economica del Medio Evo*. Firenze, 1923.

² G. Salvioli. *L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro*. „Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa“. Napoli, 1925.

³ Cassiodori. *Chronica*. MGH. Auct. ant., t. XI, pars 2, p. 120—161.

⁴ L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. I, S. 178—182; J. Sundwall. *Abhandlungen...*, S. 154; E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, p. 128—130; J. B. Bury. *History of the Later Roman Empire*, vol. I, London, 1931, p. 220—223; A. Van de Vyver. *Cassiodor et son œuvre*. *Speculum*, VI, № 2, January, 1931, p. 244—253.

⁵ Этому вопросу посвящена другая работа автора данной статьи.

Действительно, все источники того времени неопровержимо свидетельствуют о росте крупного землевладения в Италии в остготский период ее истории.

При изучении отношений собственности в Италии в VI в. на основании данных эдикта Теодориха, „*Variae*“ Кассиодора, трудов Прокопия и других историков и хронистов того времени прежде всего привлекает внимание распространение института частной собственности и четко выраженное стремление остготского правительства законодательным путем укрепить этот институт и оградить права крупного землевладения¹.

На наш взгляд, это нельзя объяснить только лишь влиянием римского права и римских форм собственности. Конечно, не подлежит сомнению, что влияние римских правовых и государственных институтов на общественный строй остготов и на их законодательство было весьма значительным. Однако бесспорно и другое: законодательство отражало реальные изменения, происходившие в социально-экономической жизни того времени — защита института частной собственности и прав крупного землевладения в эдикте Теодориха и других законодательных памятниках остготского периода свидетельствует о значительном росте частной собственности и крупного землевладения среди остготской знати.

Влиятельное положение в остготском государстве крупных землевладельцев, „могущественных“ лиц (*potentiores*) из числа остготской и римской знати охарактеризовано в тех постановлениях эдикта Теодориха, которые ограничивают права фиска в интересах крупных землевладельцев. Так, например, особое предписание эдикта Теодориха ограждает права наследников лиц, умерших без завещания². Терминология, употребляемая законодателем в этом постановлении, в частности упоминание родственников, связанных с умершим единым *titulus*³, свидетельствует о том, что в этой статье речь идет о наследовании имущества крупных собственников, ибо термин *titulus* применялся лишь к крупному землевладению⁴.

Право наследования имущества лиц, умерших без завещания, в равной степени распространялось как на римлян, так и на готов. Более того, остготское законодательство не довольствовалось лишь защитой прав наследников лиц, умерших без завещания, но в особых предписаниях специально оговаривало ограничение притязаний фиска на выморочное имущество⁵. Фиск вступает в свои права на выморочное имущество лишь после того, как будет установлено отсутствие каких-либо родственников умершего как по отцовской, так и по материнской линии, являющихся законными наследниками его имущества. При этом закон преследует возможные злоупотребления со стороны чиновников фиска⁶. Для предотвращения этих злоупотреблений эдикт предписывал, чтобы иск, предъявленный фиском на выморочное имущество любого владельца, вступал в законную силу лишь по приговору суда⁷.

¹ ETh, § 10, 11, 12, 32, 43, 44, 45, 46, 47, 69, 74, 75, 76, 77, 104, 105, 122, 123, 124, 132, 136, 137, 138, 139, 140.

² ETh, § 23.

³ Si quis intestatus mortuus fuerit, is ad eius successionem veniat, qui inter agnatos atque cognatos gradu vel titulo proximus invenitur, salvo iure filiorum ac nepotum. ETh, § 23. Ср. Ulpianus. Fragm., tit. 17, § 2; Cassiod. *Variae*; V, 24; VI, 8.

⁴ Ф. Блуме (MGH, Legum t. V, p. 154) считает, что здесь речь идет о крупном землевладении.

⁵ ETh, § 24, 25.

⁶ ETh, § 24.

⁷ ETh, § 25; Cassiod. *Variae*, VI, 8.

Кассиодор, характеризуя функции *comes rerum privatarum*, упоминает о том, что в его обязанности входило наблюдение за выморочным имуществом. Он должен был предупреждать и пресекать незаконные захваты выморочного имущества посторонними лицами и передавать его в руки фиска. Однако и здесь опять-таки особо оговаривались преимущественные права на выморочное имущество родственников умершего, а не фиска. Лишь то имущество, на которое длительное время не имелось законных претендентов, поступало после соответствующего судебного расследования в государственную казну¹. Согласно другому предписанию эдикта Теодориха, фиск отстранялся от наследования выморочного имущества куриала².

Имущество лиц, осужденных решением суда за совершение какого-либо правонарушения, передавалось законным наследникам и только в случае их отсутствия — фиску. Исключения составляли лишь лица, виновные в оскорблении величества, все имущество которых конфисковывалось³.

В формуле *comitivae patrimonii*, сохраненной у Кассиодора, особо оговаривается, что наследственные (патримониальные) владения короля не должны превышать раз и навсегда установленные пределы, ибо размеры недвижимого имущества могут расширяться лишь по злому умыслу⁴. Тем самым признавалось незаконным всякое увеличение личного имущества королевского дома за счет других землевладельцев. Естественно, что подобное предписание могло быть вызвано лишь давлением со стороны крупных остготских и римских землевладельцев, опасавшихся дальнейшего роста королевских владений.

Таким образом, остготское правительство в угоду крупным землевладельцам должно было даже несколько поступиться интересами фиска и ограничить его права на выморочное имущество крупных собственников.

В тесной связи с этими предписаниями остготского законодательства находятся постановления эдикта Теодориха, охраняющие право собственников свободно распоряжаться своим имуществом и делать завещания⁵. Законодательство строго преследует подлоги и другие незаконные махинации, мешающие осуществлению воли завещателя⁶.

Право свободного распоряжения своим имуществом было особенно важно именно для представителей остготской и римской знати, обладавшей значительным имуществом. Об этом весьма красноречиво рассказывает один из современников — Эннодий в жизнеописании епископа Тичинского Епифания. Эннодий сообщает, что Теодорих, разгневанный на отпавших от него знатных лиц, лишил непокорную знать права свободно распоряжаться своим имуществом и делать завещания. Это распоряжение короля вызвало большое недовольство среди знати. По словам Эннодия, „вся Италия была наполнена жалобами и печалью“. Теодорих был принужден вскоре отменить свое предписание под давлением знати, защитниками интересов которой выступили Тичинский епископ Епифаний, обратившийся к королю с просьбой об отмене этого распоряжения, и „знаменитый муж Урбик“⁷.

¹ Cassiod. *Variae*, VI, 8.

² ETh, § 27.

³ ETh, § 112, 113. Ср. Cod. Theod., VII, 42. 2; VII, 42. 24 § 1.

⁴ Cassiod. *Variae*, VI, 9, § 6.

⁵ ETh, § 28, 33, 72.

⁶ ETh, § 29, 30, 31, 90.

⁷ Ennodii *Vita Epifanii*. PL, t. 63, col. 226.

Насколько важным именно для остготской знати и для части остготских воинов было право делать завещания и распоряжаться своим имуществом, свидетельствует внесение в эдикт Теодориха совершенно самостоятельного предписания остготского правительства, даровавшего остготам, сражающимся за интересы государства, право составлять завещания не только дома, но и в военных лагерях. При этом особо подчеркивалось, что эта привилегия была предоставлена именно военному сословию, лицам, непосредственно сражающимся за остготское государство¹. Внесение в эдикт Теодориха этого постановления, не заимствованного ни из римского, ни из германского права, указывает на то, что и для „варваров“-готов вопрос о завещании их собственности имел первостепенное значение, и в связи с особенностями их военного быта для них было важно получить право составлять завещания, имеющие законную силу, во время их пребывания непосредственно в военных лагерях. Вместе с тем это предписание эдикта Теодориха свидетельствует о распространении и среди „варваров“, населявших территорию Италии, института частной собственности. Это подтверждается и данными „*Variae*“ Кассиодора².

Влияние остготской знати еще более возрастало в связи с тем, что в ее руках сосредоточивались все командные посты в армии. Особенно большие выгоды знатым готам сулила служба в пограничных областях и гарнизонах крепостей. Завоевательные походы приносили новые земельные богатства остготской знати, ибо, как сообщает Эннодий, захваченная во время военных нападений территория подвергалась разделу, причем лучшие земли получали военачальники, возглавлявшие поход³. В остготском королевстве вошло в обычай назначать командиров войск, охранявших те или иные области Италии, из числа знатных готов, имевших в этой области земельные владения, с целью усилить их рвение по охране той территории, где находится их имущество.

В эдикте Теодориха имеются и другие постановления, устанавливающие привилегии „варваров“-готов, в первую очередь готской знати. Так, например, привлекает внимание постановление эдикта о том, что, в случае неявки „варвара“ в суд после троекратного вызова судьи, этот „варвар“ может избежать ответственности, представив поручителя также из числа готов или доказав, при посредстве показаний свободных или „почтенных“ (*honestiores*) свидетелей, что он не мог явиться в суд по уважительной причине. При этом особо оговаривается, что вместо ответчика „варвара“ может быть вызван в суд кто-либо другой из числа „длинноволосых“ (*capillatorum*), т. е. готов⁴. Это предписание эдикта Теодориха со всей очевидностью показывает, что остготы, в первую очередь, конечно, остготская знать, не желали подчиняться общим законам и являться в суд для разбора различных дел. Правительство Теодориха, хотя и стремится подчинить их действию общего законодательства и поэтому обязывает их под страхом проигрыша тяжбы являться в суд по вызову судьи, но делает это нерешительно, с оглядкой, предоставляя готам некоторые привилегии и по существу давая

¹ *Barbaris*, quos certum est reipublicae militare, quomodo voluerint et potuerint, faciendi damus licentiam testamenti, sive domi, sive in castris fuerint constituti. — *ETH*, § 32. Ср. *Cassiod. Variae*, VIII, 23. См. F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 59—61.

² *Cassiod. Variae*, VIII, 23.

³ *Ennodii Panegyric*, XII, 62—63.

⁴ *ETH*, § 145. Предписание это является нововведением остготского правитель-

им возможность обходить предписания законов о явке в суд по вызову судьи.

Таким образом, несмотря на общее стремление законодателя уравнять готов и римлян в правах, стремление, продиктованное, как мы видели, политикой сближения остготской и римской знати, остготское правительство, исходя из интересов остготской знати и части остготских воинов, должно было обеспечивать им некоторые привилегии по сравнению со всем остальным населением Италии.

Для крупных земельных собственников Италии наряду с правом свободного завещания имущества немаловажное значение имело также и право его дарения. Вследствие этого в эдикте Теодориха особо оговаривается право собственников дарить по своей воле принадлежащее им движимое (ETh, § 51) и недвижимое имущество¹, в частности деревенские и городские имения (*praedium rusticum aut urbanum*) (ETh, § 52).

Для того чтобы дарение имело законную силу, оно должно быть оформлено официальным документом, скрепленным подписями свидетелей и удостоверенным муниципальными чиновниками (ETh, §§ 52—53).

В эдикте Аталариха особо перечисляются незаконные способы приобретения чужого имущества в качестве дара, путем запугивания дарителя, обмана или разврата².

Охрана прав крупных земельных собственников, скорее всего представителей новой феодализирующейся остготской и римской знати, имеется в виду и в тех постановлениях эдикта Теодориха, в которых используется римский закон о тридцатилетней давности владения имуществом для ограждения интересов новых собственников. При этом особо оговаривалось, что закон о тридцатилетней давности владения имуществом охранял права новых владельцев от посягательств как со стороны частных лиц, так и со стороны фиска (ETh, § 12).

Тяжбы о возврате имущества, начатые до истечения срока тридцатилетней давности, по прошествии этого срока прекращались. Отсрочка на 5 лет для вчинения законного иска о возврате имущества предоставлялась лишь малолетним³.

Необходимо отметить, что в эдикте Теодориха одновременно с подтверждением действия закона о тридцатилетней давности владения землей и другим имуществом вновь подтверждается привилегия тридцатилетней давности владения зависимыми людьми (ETh, § 69). Это постановление также было крайне важно именно для крупных землевладельцев, нуждавшихся в рабочих руках для обработки своих имений. Укреплению крупной земельной собственности способствовали, кроме того, постановления остготского законодательства, регламентирующие брачное право, основной целью которых является ограждение от раздела и дробления имущества крупных собственников⁴.

В законодательстве остготского правительства имеются, кроме того, специальные постановления, касающиеся защиты прав крупных землевладельцев от насильственных захватов их имущества со стороны других лиц. Так, например, тот, кто захватывает межевые знаки с обо-

¹ ETh, § 52. Cp. Cod. Theod., VIII, 12. 1; 6; 8; Cassiod. *Variae*, VIII, 25; EAth, § 8.

² EAth, § 8. Cp. F. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 131.

³ ETh, § 12. Cp. Cod. Theod., IV, 14. 1; *Novellae Valentiniani III* (anno 452) De episcopali iudicio, tit. 34, § 13.

⁴ ETh, § 54. В этом постановлении речь идет о крупном землевладении, о чем свидетельствует упоминание термина *titulus*. Cp. Cassiod. *Variae*, II, 11.

значением имени владельца имения (*titulus*), карается смертной казнью¹. Подобные же межевые знаки с указанием имени владельца имения ставились лишь во владениях крупных собственников, и их установление являлось привилегией знати².

Охрана интересов собственников имеется в виду и в другом предписании эдикта Теодориха, согласно которому землевладельцу разрешается с оружием в руках защищать свои владения от нападений кого-либо, кто соберет толпу народа и применит насилие. Если при этом сам организатор нападения или кто-либо из его помощников будет убит, владелец имения, защищавший свое имущество, не несет никакой ответственности³.

Законодательство остготского правительства строгими мерами защищает права собственников и во всех спорах и тяжбах, касающихся владения имуществом, стоит на стороне реального владельца, а не истца, широко используя для этого постановления римского права. Так, например, в случае предъявления судебного иска на какое-либо имущество, его владелец не обязан доказывать своих прав на это имущество, а, наоборот, истец должен доказать свои права на спорное владение⁴. Можно предположить, что это постановление римского права было использовано в эдикте Теодориха именно потому, что для новых владельцев из числа остготской знати оно было весьма выгодно и давало возможность закрепить за ними захваченные земли. При продаже имущества законодательство в большей мере защищало интересы покупателя, нежели продавца⁵.

В эдикте Теодориха имеются некоторые важные предписания, ограждающие интересы собственников от различных злоупотреблений со стороны государственных чиновников. Эдикт принимает меры против незаконных решений судей по делам о спорном имуществе (ETh, § 2), против различного рода вымогательств как самих судей (ETh, § 3), так и чиновников их канцелярий⁶. Законодательство гарантирует права собственников, устанавливая обязательное присутствие на судебных процессах обеих тяжущихся сторон (ETh, § 5) и строго предписывая судьям рассылать на места письменные решения по всем судебным делам, особенно касающимся вопросов собственности и статуса граждан (ETh, § 2, 6). Таким образом, законодательство остготского правительства прежде всего ограждает интересы собственников, преимущественно крупных, широко используя для этого римское право.

Вместе с тем законодательные памятники остготского периода, дополняемые данными нарративных источников, содержат ценные сведения о дальнейшем росте крупного землевладения в Италии VI в.

При этом мы располагаем такими источниками, которые дают возможность не только констатировать факт дальнейшего роста крупного

¹ ETh, § 47. В данной статье эдикта Теодориха, так же как и в § 46, термин *titulus* употребляется в значении межевого знака с обозначением имени владельца имения, на земле которого ставился этот знак. Ср. *Cassiod. Variarum*, III, 20. *Cr. Lex Visigothorum*, § 274—275.

² См. ниже, стр. 101—102.

³ *Qui ad possessionem alienam violentus advenerit cum multitudine congregata, si aut ipse aut aliquis ex eodem numero casu, dum repellitur violentia, occisus fuerit, is qui per necessitatem hoc fecit, a metu poenae liber habeatur.* ETh, § 16. *Cr. Cod. Theod.*, IX, 14, 2.

⁴ ETh, § 132. *Cr. Cod. Theod.*, XI, 39, 12.

⁵ ETh, § 138, 139, 140.

⁶ ETh, § 4. Это предписание также является нововведением самого остготского правительства, а не заимствованием из римского права.

землевладения в Италии VI в., но и проследить пути этого роста, определить характер крупной земельной собственности и тем самым проследить процесс формирования крупного землевладения феодализирующей остготской и римской знати на начальных его стадиях.

Одним из путей роста крупного землевладения остготской и римской феодализирующей знати, как показывают источники того времени, являлся насильственный захват земель у прежних собственников. Эдикт Теодориха и „*Variae*“ Кассиодора содержат важные сведения о насильственных методах захвата земли, применяемых знатными лицами для расширения своих земельных владений. Весьма распространенным явлением в те тревожные времена было прямое насилие со стороны знати, опиравшейся на отряды вооруженных людей, состоящие из зависимых от них лиц. Только значительными масштабами распространения насильственных захватов земель знатью можно объяснить включение в эдикт Теодориха ряда предписаний, почерпнутых из римского права, запрещающих под страхом суровых наказаний захват чужих владений, особенно при помощи вооруженных отрядов¹.

Так, например, в одном из предписаний эдикта Теодориха запрещается захват чужого владения, дома или виллы при помощи отряда вооруженных людей, посланных каким-либо знатным лицом с целью совершения насилия². За подобное преступление лицо, пославшее „своих людей“ для захвата чужого имения, карается смертной казнью как виновное в совершении насилия³. Имущество, захваченное насильственным путем, должно быть в течение года возвращено законному владельцу с сохранением за ним прав собственности на это владение⁴.

Привлекает особое внимание заключительная часть этого постановления эдикта Теодориха, в которой применяется известная формула римского права о том, что имущество, захваченное путем насилия, возвращалось его прежнему хозяину в том случае, если он владел этим имуществом не насильственно, не тайно и не как прекарием (*precario*)⁵. На основании этой статьи эдикта Теодориха можно предположить, что в отношении прекария как условного владения по милости господина законом не устанавливалось ограничений захвата со стороны крупных собственников; это, быть может, свидетельствует о начавшемся процессе поглощения крупной собственностью мелких прекарных держаний, что теснейшим образом было связано с общим развитием феодальных отношений в стране.

Из предписаний того же эдикта Теодориха мы узнаем, что для совершения насильственных захватов чужих земель знатные и могущественные лица использовали своих рабов (ETh, § 77) и колонов (ETh, § 104). Согласно постановлению эдикта Теодориха, за совершение насилия рабами по приказанию господина ответственность возлагалась на хозяина раба: „Если рабы (*servi*) будут уличены в совершении насилия (*violentia*) или сознаются в этом, и окажется при справедливом и тщательном расследовании, что они сделали это по приказанию

¹ ETh, § 74, 75, 76, 77, 89, 104, 105.

² ETh, § 75. Ср. *Lex Iulia de vi privata*, Paulus. *Sententia*, lib. V, 26, § 3. MGN. *Legum t. V*, p. 160.

³ ETh, § 75. Насильственные захваты земель и другого имущества вооруженной толпой являлись иногда и проявлением классовой борьбы, о чем будет сказано в другой работе автора.

⁴ ETh, § 75. Ср. *Cod. Theod.*, IV, 22.4; Paulus, *Sententia lib. V*, 6, § 7.

⁵ *Illi res occupata per violentiam intra annum momenti iure salva proprietatis causa reddetur, qui eandem rem, quam alterius praesumptione perdidit, nec violenter, nec abscondite, nec precario possidet.* — ETh, § 76. Ср. *Cassiod. Variae*, IV, 44; VIII, 28.

господина, то господин присуждается к наказанию за совершение насилия, захваченное же возвращается обратно¹.

В отдельных случаях по приказанию крупных землевладельцев их рабы и колонны нарушали границы чужого поля, вырывали межевые знаки и выкорчевывали деревья, указывающие границы владений соседа². По этому поводу эдикт предписывает следующее: „Если же окажется, что это сделано по приказанию господина, то господин лишается третьей части своего имущества, которая поступает в распоряжение фиска; при этом сам раб или колон тем не менее подвергается смертной казни“³.

В эдикте Теодориха особо оговариваются случаи запугивания частных лиц с целью захвата их имущества при помощи военных отрядов или незаконного превышения власти. При этом указывается, что знатные лица (*honestiores*), виновные в этом преступлении, присуждаются к изгнанию⁴.

Насильственные захваты земель соседей приводили к острым столкновениям, а порою даже к частным войнам между землевладельцами Италии⁵. Кассиодор упоминает, например, о случаях самообороны частных лиц, защищавшихся от вооруженных нападений со стороны главным образом высших командиров остготской армии⁶.

Будущий остготский король Теодат, один из крупнейших землевладельцев Италии, славившийся своей исключительной жадностью и стяжательством, захватывал имущество соседей при помощи вооруженных отрядов, состоявших из зависимых от него людей⁷.

В отдельных случаях представители светской знати совершали нападения и на земли церкви, причем правительство выступало в качестве защитника интересов духовенства. Так, например, Кассиодор сообщает о том, что правительство Теодориха было обеспокоено жалобами Миланского епископа Евсторгия, просившего защитить от насильственных захватов земли его церкви, расположенные в Сицилии. Особым рескриптом, изданным в 507—511 гг., остготское правительство предписывало комиту Адиле оказать помощь и защиту именьям и людям Миланской церкви, находящимся в Сицилии, и не допускать насилия по отношению к ним со стороны лиц любой национальности.

Особое упоминание о том, что это предписание относится к лицам любой национальности, т. е. не только к римлянам, но и к готам, повидимому, отнюдь не является простой случайностью, а свидетельствует о том, что подобные насилия чинились как остготской, так и римской знатью⁸.

¹ *ETH*, § 77. *Cp. Cod. Theod.*, IX, 10, 4.

² *ETH*, § 104. *Cp. Paulus. Sententia*, lib. V, tit. 22, § 2.

³ *Si vero hoc imperante domino factum esse constiterit, idem dominus tertiam partem bonorum suorum perdat, fisci viribus profuturam: servo ipso aut colono nihilominus capite puniendo.* — *ETH*, § 104.

⁴ *Si quis sibi, ut aliquem terreat, militiam confixerit, vel adsumpserit quam non habet potestatem, viliores fustibus caesi perpetuae relegationis mala sustineant, honestiores exilii patiantur incommoda.* — *ETH*, § 89.

⁵ *Cassiod. Variae*, VII, 28.

⁶ *Cassiod. Variae*, V, 29. *Cp. F. Dahn. Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 52.

⁷ *Cassiod. Variae*, XI, 25; V, 12.

⁸ *Et ideo beatissimi viri Eustorgii episcopi sanctae Mediolanensis ecclesiae petitione permoti praesentibus te affatibus ammonemus, ut praediis vel hominibus huius ecclesiae intra Siciliam constitutis tuitionem studeas salva civilitate praestare, nec a quoquam cuiuslibet nationis homine contra fas patiaris opprimi, quos decet divinitatis intuitu sublevari.* — *Cassiod. Variae*, II, 29.

Таким образом, насильственные захваты земель знатью, преимущественно остготской, как можно заключить на основании данных источников, производились, повидимому, не только у средних и мелких земельных собственников, земли которых, естественно, являлись основным объектом нападений знати, но также и у некоторых крупных землевладельцев, в первую очередь римских. Бесспорно, бывали случаи ожесточенных стычек из-за земельных владений и между представителями самой остготской знати¹.

Все это приводило к обострению борьбы внутри господствующего класса, борьбы за плодородные земли Италии, за власть над зависимым населением, за почести и богатства. Вследствие этого остготское правительство Теодориха в первый период правления этого короля должно было несколько ограничить самоуправство остготской знати на местах, тем более что оно проводило политику сближения со старой римской аристократией и опасалось, что насильственные захваты знатными готами земель римлян могут оттолкнуть от правительства крупных римских землевладельцев. Кроме того, насильственные захваты остготской знатью земель в Италии задевали интересы и рядовых остготских воинов, что не могло не вызвать опасений со стороны правительства, нуждавшегося в их поддержке. Таким образом, мы можем прийти к заключению, что размах насильственных захватов чужих земель в Италии в VI в. был уже столь значительным, что остготское правительство, с одной стороны, под давлением римских посессоров, земли которых все чаще и чаще становились объектом этих захватов, с другой стороны, идя на уступки рядовым остготским воинам, составлявшим основу военной мощи остготского государства, принуждено было несколько ограничить непомерно растущие притязания „могущественных“ лиц.

Нарративные источники, восходящие к VI в., также сохранили некоторые важные сведения, проливающие дополнительный свет на причины частичного ограничения со стороны остготского правительства насильственных захватов земель знатью. Так, например, Эннодий в жизнеописании епископа Тичинского Епифания, как уже упоминалось выше, сообщает о том, что Теодорих, разгневанный отпадением от его государства некоторых знатных лиц, решил лишить прав свободного распоряжения имуществом всех, кто не проявлял преданности его правительству. Поскольку это распоряжение задевало интересы многих, и притом влиятельных, лиц, оно было вскоре отменено по настоянию епископа Епифания, однако продолжало сохранять свою силу в отношении „зачинщиков смут“ (*malorum incentores*). Но вскоре, благодаря искусному редактированию нового предписания короля „знаменитым мужем“ Урбиком, и эти „зачинщики“ получили полную амнистию².

Можно высказать предположение, что это постановление правительства Теодориха, ограничивавшее право распоряжения имуществом, было вызвано смутами, чинимыми непокорной знатью. Различные беззакония, а порою и открытые выступления отдельных представителей феодализирующейся остготской и римской знати, естественно, не могли не вызвать серьезной тревоги у правительства и в свою очередь послужили одной из причин некоторых, хотя довольно нерешительных, законодательных мер, направленных против произвола знати.

¹ Cassiod. *Variae*, VII. 28.

² PL, t. 63, col. 226.

Но весьма симптоматично, что эти ограничения в тех случаях, когда они серьезно задевали интересы знати (как, повидимому, было с ограничением права свободно распоряжаться имуществом и составлять завещания), вскоре отменялись самим же правительством под давлением той же знати (Урбик) и духовенства (епископ Епифаний).

Таким образом, сложным переплетением социальных и политических интересов в стране и борьбой внутри различных группировок господствующего класса, повидимому, и объясняется то особое внимание, которое уделяет остготское законодательство ограничению насильственных захватов земель „могущественными“ лицами.

Этому вопросу посвящено значительное число статей эдикта Теодориха¹. Большое место вопросу о борьбе правительства с самовольными захватами знатью чужого имущества отводится также и в своде рескриптов остготских королей, составленном Кассиодором². Наиболее показательным в этом отношении является постановление эдикта Теодориха, представляющее собой самостоятельное предписание законодателя, а не рецепцию римского права; в нем категорически запрещаются незаконные захваты чужого имущества. Эдикт Теодориха гласит следующее: „Никто, ни римлянин, ни варвар, пусть не домогается чужого имущества: потому что, если он захватит его, то это не будет иметь [законной] силы, и пусть он не сомневается в том, что ему придется его возратить вместе с плодами“³. В заключительной части этого постановления законодатель снова подтверждает свои прежние распоряжения по этому вопросу⁴, что свидетельствует, повидимому, об их нарушении, поскольку правительству было необходимо их вновь возобновлять.

Помимо категорического запрещения захватывать чужое имущество, эдикт Теодориха предписывает, чтобы всякого рода претензии на владение имуществом предъявлялись лишь в судебном порядке. Самовольный захват чужого имущества без соответствующего решения суда преследуется законом (ETh, § 10).

В том случае, „если кто-либо лишает какого-нибудь possessора его владений, то за такое самоуправство он может проиграть даже законную тяжбу“⁵. При этом „за такую дерзость он обязан возратить захваченное владение прежнему владельцу и в придачу еще собранный с имения урожай в двойном размере“⁶. Если же будет захвачено владение, на которое захватчик не имеет никаких законных прав и которое отнюдь ему не принадлежало, то он должен возратить захваченное владение законному владельцу вместе со всем полученным урожаем и сверх того уплатить штраф в пользу фиска⁷.

Судьи и чиновники их канцелярий, на которых возлагалась обязанность следить за выполнением этого предписания как в провинциях,

¹ ETh., § 10, 34, 43, 44, 75, 76, 77, 89, 104, 105.

² Cassiod. *Variae*, III, 38; IV, 9, 27; V, 3, 17, 30; VI, 30; VII, 3, 39; XI, 8.

³ ETh, § 34. Cp. EAth, § 3.

⁴ „Пусть будет сохранено то, что относительно этого было установлено нашими прежними эдиктами“. — ETh, § 34. Cp. E. Dahn. *Die Könige der Germanen*, Bd. IV, S. 62.

⁵ Quod si quis qualemcunque possessorem possessione deiecerit, amissionem pro tanta praesumptione vel bonae litis incurrat. — ETh, § 10.

⁶ Reformata scilicet possessione quam occupaverit, fructus quoque duplos pro tanta temeritate persolvat. — ETh, § 10.

⁷ Quod si illam possessionem occupaverit, quae eidem minime debebatur, hanc poenam habeat, ut et rem cum fructibus in eo statu domino reddat invasam, et aestimationem rei pervasae subire cogatur, fisci iuribus profuturam. — ETh, § 10; cp. Cod. Theod., IV, 22, 3; Cod. Theod., II, 26, 2.

так и в самом Риме, в случае, если они своими силами не смогут справиться с захватчиками и осуществить их наказание, должны обращаться за помощью в королевский суд, куда может быть передано дело, и, если король сочтет нужным, то виновный будет строго наказан¹.

Заключительная часть этого предписания эдикта Теодориха, являющаяся нововведением самого законодателя, заслуживает особого внимания, ибо она свидетельствует, что незаконный захват чужих владений производился именно „могущественными“ лицами, представителями феодализирующейся знати, которые мало считались с местными судьями и были в значительной степени независимы от государственных чиновников. Совершенно очевидно, что нарушителями предписаний эдикта, с которыми не могли справиться судьи на местах, могли быть только весьма влиятельные представители высшей знати, на которых можно было найти управу лишь в королевском суде.

Подобное предположение подтверждается данными Кассиодора, который сообщает о насилиях, чинимых в провинциях представителями знати, преимущественно остготской, и о незаконных захватах ими земельных владений и другого имущества частных лиц². При этом Кассиодор упоминает об отдельных случаях, когда провинциальные судьи не могли своими силами справиться с произволом „могущественных“ лиц и вынуждены были прибегать к помощи королевской курии³.

Источники VI в. позволяют установить и этнический состав знати, производившей эти насильственные захваты земель в Италии. Отнюдь нельзя считать простой случайностью, что в эдикте Теодориха именно в тех статьях, которые говорят о насильственных захватах земель могущественными лицами, особо оговаривается, что таковыми могли быть как римляне, так и „варвары“, и что они подлежат за совершение подобных преступлений одинаковому наказанию⁴. Особое упоминание „варваров“ именно в тех статьях, которые запрещают насильственные захваты чужого имущества, в то время как в подавляющем большинстве других статей эдикта Теодориха такого выделения „варваров“ не производится, свидетельствует о том, что именно со стороны остготской знати были особенно часты подобные захваты земель местного италийского населения. Это предположение всецело подтверждается данными, содержащимися в „*Variae*“ Кассиодора и в других источниках VI в.

Так, например, Кассиодор среди „могущественных“ лиц, особенно отличившихся незаконными захватами земель своих соседей, называет одного из знатнейших готов, племянника короля Теодориха — Теодата, занявшего впоследствии престол остготского королевства, а также и других представителей остготской знати.

О значительных размерах земельных владений Теодата и других знатных готов, об их неудержимой жажде дальнейшего расширения своих владений сообщает, как известно, и Прокопий Кесарийский в „*Войне с готами*“. По словам Прокопия, Теодат, несмотря на то,

¹ Cuius decreti iusti atque legitimi omnes per provincias iudices et urbe venerabili constitutos, vel eorum officia, iubemus esse custodes: ita ut si aliquid extiterit, quo se putent exigendae mulctae superius comprehensae pares esse non posse, relationem ad scrinia nostra transmittant, ut a nobis, si ratio poposcerit, districtius vindicentur. — *ETH*, § 10. Cp. *EATH*, § 1.

² *Cassiod. Variae*, III, 20; IV, 39.

³ *Cassiod. Variae*, III, 21.

⁴ *ETH*, § 34, 43, 44.

что он являлся одним из крупнейших землевладельцев Этрурии (Тосканы), постоянно стремился к дальнейшим насильственным захватам чужих владений: „Этот Теодат был владельцем большинства земель в Этрурии (Тоскане), но он всячески старался насильно отнять и остальную землю у владеющих ею; иметь соседа для Теодата казалось своего рода несчастьем“¹. Насилия и бесчинства Теодата приняли столь большие размеры и вызвали такое недовольство населения, что Теодорих принужден был вмешаться. В своем рескрипте от 507—511 гг., направленном лично Теодату, король Теодорих упрекает его в жадности, которая является „корнем всех зол“², и в постоянной жажде обогащения. Морализируя по этому поводу, ученый советник короля Кассиодор пишет: „Среди различных соблазнов, которые обольщают род человеческого, особенно следует избегать стремления к захвату чужого имущества, ибо раз возникнув, оно возрастает до бесконечности, если его не ограничивают суровостью закона“³.

В рескрипте особенно подчеркивается, что недостойная жажда живых позорит столь знатного мужа, как родственник короля Теодат, в жилах которого течет кровь царственного рода Амалов. Далее говорится о почтенном муже по имени Домиций, который обратился к королю с жалобой на то, что люди Теодата незаконно захватили его владения⁴. Король предписывает своему сайону Дуде позаботиться, чтобы отобранное Теодатом владение со всем захваченным там имуществом было бы немедленно возвращено законному владельцу⁵. В случае же, если Теодат имеет законные притязания на какие-либо земельные владения в его области, то он должен предъявить на них гражданский иск, и после разбора дела с участием обеих тяжущихся сторон может быть вынесено решение в соответствии с законом.

В другом рескрипте от 523—526 гг., адресованном также на имя Теодата, король Теодорих вновь упрекает своего корыстолюбивого родственника в позорящей их род жадности и приводит данные о новых насилиях Теодата, сообщая, что наследники знатных мужей Арголика и Амандиана обратились к нему с жалобой на людей Теодата, которые недостойным образом захватили их земельное владение в Паллентиане, пожалованное им самим королем⁶. Теодорих предписывает Теодату в случае, если справедливость жалобы подтвердится, немедленно возвратить захваченные земли законным наследникам.

При анализе этих предписаний Теодориха привлекает особое внимание то обстоятельство, что Теодат захватывал земли представителей высшей римской аристократии, которые искали защиты от его насилий у остготского правительства.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами, М., 1950, стр. 84.

² Cassiod. *Variae*, IV, 39.

³ Inter ceteras, quibus humanum genus sollicitatur, inlecebras praecipue vitanda est alienarum rerum turpis ambitio, quia in immensum iactata rapitur, si iustitiae ponderibus non prematur. — Cassiod. *Variae*, IV, 39.

⁴ Domitius itaque vir spectabilis data nobis supplicatione conquestus est, possessiones iuris sui, id est illam atque illam, ab hominibus vestris neglectis legibus fuisse pervasas. — *Ibidem*.

⁵ Ut imminente Duda saione nostro, si momenti tempora suffragantur, occupata nuper cum omnibus, quae direpta sunt, supplicanti faciatis sine aliqua dilatione restitui. — *Ibidem*.

⁶ Argolici itaque viri illustris et Amandiani viri clarissimi heredes supplici nobis additione conquesti sunt Pallentianam massam, quam eis pro compensatione largitas nostra transfuderat, ut casae Arbitanae amissionem hac commoditate solarentur, ab hominibus vestris nullis causis extantibus indecenter invasam. . . — Cassiod. *Variae*, V, 12.

В дальнейшем подобные захваты имущества римской знати могущественными готами послужили одной из важных причин разрыва временного союза римской аристократии с представителями остготской феодализирующей знати. Но в тот момент правительство Теодориха еще стремилось сохранить поддержку римской аристократии и поэтому пресекало подобные насилия со стороны даже самых знатных готов. Само собою разумеется, что правительство вмешивалось лишь в такие конфликты, в которых пострадавшей стороной являлись римские аристократы, подававшие жалобы в королевскую курию; что же касается бесчинств знатных готов, вроде Теодата, по отношению к средним и мелким землевладельцам Италии, то они в большинстве случаев, повидимому, оставались безнаказанными.

Но даже и эти попытки королевской власти пресечь самовольные захваты земель Теодатом не принесли реальных результатов, ибо, как мы видели из рассказа Прокопия, бесчинства и беззакония, чинимые Теодатом, продолжались и позже, в правление королевы Амалазунты. При этом аппетиты Теодата не только не стали более умеренными, но даже возросли, ибо его захваты распространились даже на владения фиска. По этому поводу Прокопий писал следующее: „Многие этруски [тосканцы] жалуются Амалазунте на то, что Теодат насильничает над всеми людьми в этой провинции и без всяких рассуждений отнимает земли, как частновладельческие, так и имения императорского дома, которые римляне обычно называют патримониями“¹.

Попытки Амалазунты, в угоду римской знати, пресечь эти захваты Теодата также не принесли желаемых результатов, а лишь породили страшную ненависть Теодата к его царственной родственнице, что, по утверждению Прокопия, послужило одной из причин ее гибели².

Крупным землевладельцем являлся и знатный гот Пидзас, который, по сообщению Прокопия Кесарийского, сдал византийским войскам половину Самнии, что свидетельствует о его огромном влиянии в этой области Италии³. Зять Теодата Эбримут также принадлежал к числу знатных и влиятельных готов⁴. Особенно обширными земельными владениями остготская знать располагала в Северной Италии, в частности в Лигурии.

Кассиодор сообщает о знатных „варварах“, являвшихся патронами других лиц. Опасаясь того, что они могут использовать свое влияние в корыстных целях, он настаивает на отстранении этих знатных готов от вмешательства в судебные дела римлян⁵.

Таким образом, не подлежит сомнению, что насильственные захваты земель в Италии производились в первую очередь феодализирующей остготской знатью, на стороне которой была сила оружия.

Вместе с тем источники VI в. сообщают, что подобные захваты земли совершались также и знатными римлянами⁶, повидимому, в первую очередь той частью римской аристократии, которая перешла на сторону остготов и заключила временный союз с представителями остготской знати. Так, например, в „*Variae*“ Кассиодора (III, 20) имеются указания на незаконные захваты земель знатными римлянами, в том

¹ Прокопий. Война с готами, стр. 87.

² Там же, стр. 87 и сл.

³ Там же, стр. 124 и сл.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ Cassiod. *Variae*, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31. Ближайшие к этому постановления имеются также и в *Lex Burgundionum*, tit. 22.

⁶ Eth., § 34, 43; Cassiod. *Variae*, III, 20.

числе префектом претория 507—512 гг., римским сенатором Фавстом, который отличался исключительной жадностью, беспощадно грабил население; на него поступили жалобы по поводу незаконного захвата земли некоего Кастория.

Однако необходимо особо подчеркнуть, что строгие предписания эдикта Теодориха, направленные против захвата чужих земель феодализирующейся остготской и римской знатью, не принесли реальных результатов, ибо спустя двадцать с лишним лет после издания эдикта остготский король Аталарих, продолжая политику своего деда и под влиянием многочисленных жалоб населения, вновь был вынужден принять решительные меры против подобных насилий знати.

В особом эдикте от 533/534 гг. Аталарих гневно обрушивается на тех, кто незаконно „вторгается“ в пределы чужих владений, что противоречит „гражданскому устройству общества“. Эдикт Аталариха предписывает неуклонно выполнять решение „божественного“ Валентиниана, направленное против подобных правонарушений и „долгое время позорным образом забытое“. Это решение, подчеркивается в эдикте, запрещало кому-либо лично или с помощью подвластных ему людей насильственным образом захватывать городские или деревенские владения, изгнав из них законных владельцев¹.

Помимо подтверждения закона императора Валентиниана, эдикт Аталариха вводит дополнительные постановления с целью пресечь насильственные захваты знатью чужих земель. При этом необходимо отметить, что эдикт Аталариха не только повторяет аналогичные предписания эдикта Теодориха, но и вводит некоторые важные дополнения и изменения.

Особое внимание привлекает нововведение правительства Аталариха относительно строгой ответственности судей за попустительство захватчикам чужих земель. Судьи, допустившие, чтобы захватчик удерживал у себя чужое имущество, подвергнутся суровому наказанию — отрешению от должности и штрафу в том же размере, что и сам захватчик². В отличие от этого эдикт Теодориха устанавливает лишь, что провинциальные судьи наблюдают за выполнением предписаний закона, направленных против захвата чужих владений, однако случаи попустительства подобным преступлениям со стороны судей там не предусматриваются (ETh, § 10).

Это является не только важным свидетельством все большего распространения коррупции в среде провинциальной администрации остготского государства, но и доказательством продолжения незаконных захватов знатью чужих земель при попустительстве продажных судей, смотревших сквозь пальцы (конечно, за известное вознаграждение) на подобные преступления.

Вместе с тем эдикт Аталариха (§ 1) указывает на дальнейший рост политического влияния феодализирующейся знати на местах и слабость местной римской администрации, ибо он вновь подтверждает предписание правительства Теодориха о передаче в ведение центральной власти разбора дел тех представителей знати, которые не повиновались решениям местных судей. При этом в эдикте Аталариха и по этому вопросу имеются некоторые отступления от аналогичного предписания эдикта Теодориха: в то время как эдикт Аталариха предписывает,

¹ EAth, § 1. Cp. Cod. Theod., IV, 22. 3; Cod. Iust., VIII, 4. 7 (от 389 г.).

² EAth, § 1. При этом особо оговаривается, что виновные в захвате чужого имущества в свою очередь несут в полной мере ответственность перед законом.

что тот, кто в своей „безумной жажде грабежа“ будет пренебрегать постановлениями закона и не подчинится решению судьи, должен подвергнуться законному наказанию со стороны королевских сайонов, в эдикте Теодориха говорится о передаче подобного дела непосредственно в королевскую скринию (ETh, § 10). Можно предположить, что некоторые изменения, внесенные по этому вопросу в эдикт Аталариха, указывают, с одной стороны, на то, что остготская феодализирующаяся знать, продолжавшая незаконные захваты чужих земель, все более открыто проявляла свое нежелание подчиняться местной римской администрации; с другой стороны, это подтверждает рост влияния германских государственных институтов в лице королевских сайонов, которые теперь сами справлялись на местах с самоуправством непокорной знати и не должны были обращаться, как ранее, за помощью в королевскую курию.

Ответственность за пристрастное ведение судебных процессов о незаконном захвате чужого имущества эдикт Аталариха возлагает также и на канцелярию королевского суда (EAth, § 3). В случае попустительства знати, незаконно присваивающей чужое имущество, чиновники канцелярии наказываются лишением королевских милостей и всего, что они приобрели от подобной сделки. Знаменательно, что в эдикте прямо говорится о таких случаях, когда чиновники королевской канцелярии делают различные поблажки лицам, виновным в захвате чужого имущества, получив от них за это известное вознаграждение.

Таким образом, взяточничество, повидимому, прочно укоренилось не только в местных судах провинций Италии, но и в центральном аппарате государственного управления. Продажность и своекорыстие судей и чиновников их канцелярий искусно использовались „могущественными“ лицами для сокрытия своих преступлений и приумножения земельных владений.

Наряду с насильственными захватами остготской и римской феодализирующейся знатью земель мелких собственников, важным источником роста крупного землевладения в Италии в VI в. были также королевские земельные пожалования.

Все остготские короли¹, в том числе и Теодорих, щедро раздавали своим приближенным, как готам, так и римлянам, земельные владения в Италии из фонда пустующих земель и из владений фиска. В административной переписке Кассиодора сохранились важные сведения о земельных пожалованиях Теодориха остготской и римской знати, а также и духовенству. О земельных пожалованиях знатым лицам, в том числе римлянам, которые искали покровительства Теодориха, говорится в одном из писем этого остготского правителя, датированном 508—511 гг.²

В особом рескрипте Теодориха (от 507—511 гг.) сообщается о пожаловании королем земельного участка в Тридентской области готскому священнику по имени Буцила³. В письме к своему родственнику Теодату король Теодорих упрекает его за незаконный захват земельных владений потомком знатных римлян — иллюстрия (*vir illustris*) и префекта города (*praefectus urbi*) Арголика и клариссима (*vir clarissimus*) Амандиана. При этом он указывает, что эти земельные владения в Паллентиане были им пожалованы самим королем в качестве компенсации

¹ О земельных пожалованиях Аталариха, Амалазунты, Теодата и „тирана“ Тотилы римлянам см. *Pragmatica Sanctio*, § 1. *Imp. Justiniani Novellae quae extra codicem supersunt*; ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1881, pars II, Nov. 164.

² *Cassiod. Variarum*, III, 18.

³ *Ibid.*, II, 17.

за потерю ими другого их владения в Арбитане¹. Этот рескрипт короля Теодориха показывает, что остготское правительство, стремясь привлечь на свою сторону высшую римскую аристократию, пыталось возместить земельные потери римской знати, лишившейся своих владений в связи с расселением готов и захватами земель остготской знатью, за счет раздачи им новых земельных пожалований из фонда государственных земель.

Политика заигрывания остготского правительства с римской аристократией простиралась даже до того, что Теодорих щедро награждал вернувшихся в Италию знатных римских эмигрантов и гарантировал им возврат и полную неприкосновенность их собственности. Так, например, Кассиодор сообщает о том, что некий сиятельный муж по имени Магн, принадлежавший к высшей римской аристократии, спасаясь, повидимому, от народного восстания, эмигрировал из Италии, а теперь вновь возвратился на родину и пользовался особыми милостями остготского правительства. По личному предписанию короля Теодориха, датированному 508—511 гг., все утраченное Магном имущество, — все его земли и рабы, как городские, так и сельские, — немедленно вновь ему возвращались. Более того, правительство Теодориха не только гарантировало этому знатному эмигранту, ищущему покровительства остготского короля, прочное владение всем, чем он некогда владел, но и считало его достойным новых королевских пожалований².

Наряду с насильственными захватами земли остготская и римская феодализирующаяся знать для расширения своих земельных владений широко применяла другие методы, связанные с различными неблагоприятными махинациями, вымогательствами и заключением незаконных сделок.

В целях ограничения незаконных захватов чужого имущества остготское правительство принуждено было даже ввести материальную ответственность для лиц, возбуждавших незаконные иски относительно какого-либо владения. В случае возбуждения незаконной тяжбы истец должен был возвратить захваченное имущество и уплатить судебные издержки (ETh, § 11, 74).

Подобное же постановление мы встречаем и в эдикте Аталариха, причем там незаконные тяжбы прямо связываются с насильственными захватами чужой земли. В эдикте особо оговаривается, что на ответчика, проигравшего незаконную тяжбу, возлагается уплата всех судебных издержек с той целью, чтобы впредь ни у кого не было бы стремления к судебному сутяжничеству и бесстыдному крючкотворству (EAth, § 2). С целью пресечения сутяжничества этот же эдикт запрещает вторичное разбирательство одних и тех же судебных дел под страхом проигрыша тяжбы (EAth, § 11).

Ряд постановлений эдикта Теодориха направлен против различного рода незаконных сделок, заключенных „могущественными“ лицами, представителями знати, высшего командования остготской армии, влиятельными чиновниками администрации с целью вымогательства имущества у людей, стоявших на более низкой ступени общественной лестницы

¹ Cassiod. *Variae*, V, 12.

² Atque ideo praesenti iussione sancimus, quatenus tam in agris quam mancipiis: urbanis aut rusticis, vel quicquid sibi competens quolibet modo nunc amissum potuerit comprobare, sine aliqua recuperet tarditate, retinens ex nostra auctoritate domini ius. omne quod habuit: nec questionem eum de rebus sibi antiqua possessione competentibus. volumus sustinere, cui propositi nostri est etiam nova praestare. Cassiod. *Variae*, III, 18.

и не имеющих возможности оказать решительное сопротивление подобным требованиям. Специальное постановление эдикта Теодориха запрещает знати запугивать лиц, составляющих завещания (ETh, § 31).

Другое предписание эдикта запрещает поручать вчинение иска относительно спорного имущества „могущественному римлянину или варвару“. Из этого предписания эдикта Теодориха со всей очевидностью вытекает, что подобная передача иска „могущественному“ лицу делалась с целью использования его влияния на суд и могла повлечь за собой незаконное решение суда в пользу могущественного покровителя и в ущерб другой тяжущейся стороне¹. Нет сомнения, что „могущественное“ лицо, пользующееся большим политическим влиянием, принимало на себя ведение судебного процесса отнюдь не бескорыстно, а, повидимому, заранее получив обещание истца подарить ему часть спорного имущества. Об этом свидетельствует указание эдикта, что материальную ответственность несли также те лица, которые считали, что спорное имущество, являющееся предметом тяжбы, должно быть передано могущественному покровителю истца. Косвенным образом об этом же свидетельствует разрешение истцу дарить выигранное по суду имущество лишь после окончания судебного процесса². О судебных процессах с участием „могущественных“ лиц, оказывавших давление на суд, сообщает также и Кассиодор³.

На подобные же факты указывает и другое постановление эдикта Теодориха, запрещающее какому-либо „могущественному“ римлянину или „варвару“ вмешиваться в судебное дело в качестве защитника или покровителя одной из тяжущихся сторон. Предписание эдикта гласит: „Пусть никакой могущественный римлянин или варвар не вмешивается в дело в качестве защитника или сторонника“ (Nullus se potens Romanus aut barbarus tamquam defensor aut suffragator negotio misceat—ETh, § 44)⁴.

Следует подчеркнуть, что в качестве „могущественных лиц“, вмешивающихся в судебные процессы в пользу одной из тяжущихся сторон, эдикт опять-таки особо упоминает как римлян, так и варваров⁵.

Все это свидетельствует о том, что в реальной действительности того времени весьма распространенным явлением, повидимому, было незаконное присвоение влиятельными людьми из числа остготской и римской знати имущества частных лиц путем использования политического влияния и общественного положения для воздействия на суд и заключения различных незаконных сделок.

Еще одним из распространенных методов, применяемых феодализирующейся знатью для округления своих земельных владений и стяжаний все новых и новых земель в Италии, являлось дальнейшее развитие патроната и концентрация в руках патронов земель зависимых от них крестьян.

Ряд параграфов эдикта Теодориха со всей очевидностью указывает на дальнейшее развитие патроната и на рост частной власти крупных

¹ Nullus ad potentem Romanum aut barbarum proprias quolibet titulo transferat actiones. Quod si fecerit, iacturam litis iurgator incurrat, et is qui suscepit medietatem pretii rei aestimatae fisco cogatur inferre. Qua poena teneri praecipimus etiam eos, qui rem in lite positam in huiusmodi crediderint transferendam esse personam; quoniam volumus, ut remota persona potentioris, aequa iurgantes sorte confligant. — ETh, § 43. Cp. Cod. Theod., II, 13; Dig., IV, 7.

² Litigantibus vero post causae terminum, largiendi quod vicerint, cui voluerint personae concedimus potestatem. — ETh, § 43.

³ Cassiod. Variarum, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31.

⁴ Cp. Cod. Iust. Ne liceat potentioribus. (II, 14); Lex Burgundionum, tit. 22.

⁵ Cp. ETh, § 34, 43.

землевладельцев в Италии VI в. Весьма показательными в этом отношении являются предписания эдикта, представляющие при этом самостоятельные постановления остготского правительства, а не рецепцию римского права, из которых явствует, что знатные лица использовали свои права патрона для присвоения земель отдававшихся под их покровительство бедняков и ставили межевые знаки с обозначением своего имени (*titulus*) на их землях (ETh, § 45, 46). В эдикте Теодориха упоминались случаи, когда отдельные лица, повидимому, из числа разорившихся средних и мелких землевладельцев, были принуждены ставить межевые знаки с обозначением имени какого-либо „могущественного“ лица в своих владениях, чтобы тем самым избежать судебного иска со стороны другого претендента на это имущество¹. Цель подобных действий состояла в стремлении выиграть судебное дело, используя покровительство влиятельного вельможи. В наказание за совершение подобного проступка виновный терял свое владение (*possessio*) или хижину (*casa*), а также право возобновлять даже законную тяжбу.

Указание эдикта Теодориха на потерю прежним хозяином владения или хижины свидетельствует о том, что в этом постановлении речь шла, повидимому, о бедных крестьянах, владевших лишь хижинной или небольшим участком земли, которые под давлением тяжелых экономических условий и чувствуя свою беззащитность перед лицом судебных чиновников, предпочитали искать покровительства „могущественных“ лиц и вступали под их патронат.

Вместе с тем вступление под патронат знатного вельможи и установление межевых знаков с обозначением имени патрона (*titulus*) на землях разорившихся крестьян рано или поздно влекли за собой переход этих земель в руки патронов.

Не подлежит сомнению, что установление на землях крестьян межевых знаков с именами „могущественных“ лиц являлось одним из средств расширения земельных владений знати. Это явствует из другого постановления эдикта Теодориха, выражающего опасения правительства, вызванные непомерным ростом влияния знати на местах и расширением ее земельных владений. Согласно этому постановлению, категорически запрещается ставить межевые знаки с обозначением имен знатных лиц (*titulus*) не только в чужих владениях, но даже и в имениях, принадлежащих самим этим „могущественным“ лицам, ибо, как особо подчеркивает законодатель, это „привилегия только фиска“².

Существеннейшим образом изменяя предписания римского права, остготское правительство Теодориха в данном случае полностью лишило частных лиц права ставить свои межевые знаки (*titulus*) даже в тех имениях, которые им принадлежали, в то время как согласно римскому законодательству запрещалось ставить *titulus* только тем могущественным лицам, которые не являлись законными владельцами этих имений³.

Это предписание эдикта Теодориха, являющееся важным нововведением остготского правительства, проливает свет на причины, заставлявшие правительство Теодориха принимать меры по частичному огра-

¹ *Is qui in ea re quam possidet, iudicis praeceptione conventus, titulum potentis nomine adfixum adversario suo crediderit opponendum, eius possessionis aut casae, quam sub hac fraude vindicare temptaverit, amissione mulctetur: nec repetendae actionis, etsi ei competere possit, habeat facultatem.* — ETh, § 46.

² *Nullus alienae rei vel suae titulos prorsus adfigat: cum soli fisco hoc privilegium, his quae possidet iure vel corpore, videatur esse concessum.* — ETh, § 45.

³ *Cod. Theod., II, 14. 1. Cp. EAth, § 2; Cassiod. Variarum, IV, 14; V, 16; IX, 18.*

ничению роста могущества и влияния феодализирующей знати в провинциях Италии. Расширение земельных владений феодализирующей знати и рост ее влияния на местах в известной мере задевали интересы фиска и тем самым вызвали подобные ограничительные меры.

Таким образом, рост патроната, как это явствует из предписаний эдикта Теодориха, вел к дальнейшему поглощению мелкого землевладения крупным. В то же время усиление влияния крупных землевладельцев представляло некоторую опасность и для владений фиска, что и заставило правительство Теодориха лишить крупных землевладельцев права ставить свои *titulus* не только на чужих землях, но даже и в своих имениях, и закрепить эту привилегию лишь за фиском¹. О значении привилегии установления *titulus* свидетельствует еще одно предписание эдикта Теодориха, гласящее, что тот, кто захватывает *titulus* имения, принадлежащего другим, наказывается смертной казнью². В то же время включение этого постановления в эдикт после вышеупомянутого запрещения частным лицам ставить *titulus* в своих имениях, быть может, является доказательством того, что это запрещение в реальной действительности обходилось и еще продолжали существовать имения крупных землевладельцев, в которых имелись межевые знаки с обозначением имен их владельцев. Кассиодор в свою очередь сообщает о том, что насильственные захваты *titulus* имений продолжали в то время иметь место³.

Об этом же свидетельствует и эдикт короля Аталариха, включающий особую статью о запрещении кому-либо, под страхом уплаты штрафа в пользу владельца земли, ставить межевые знаки в чужих владениях (EAth, § 2). При этом привлекает особое внимание свидетельство этого параграфа эдикта Аталариха, что некоторые лица находили незаконные пути обхода предписаний эдикта Теодориха (§ 45), ставя межевые знаки на чужих землях от имени государства, поскольку только фиску разрешалось это делать.

Таким образом, установление межевых знаков (*titulus*) и при преэминиках короля Теодориха, несмотря на строгие запрещения законов, продолжало быть одним из средств незаконного захвата чужого имущества и расширения частной власти крупных землевладельцев.

Рост патроната и расширение власти крупных землевладельцев в провинциях Италии в VI в. засвидетельствованы также Кассиодором⁴. Особый интерес при этом представляет указание Кассиодора на развитие патронатных отношений в среде остготской знати, что с полной очевидностью явствует из упоминания о „варварах“—готах, являвшихся патронами римлян⁵.

Таким образом, мы можем констатировать дальнейшее развитие патроната в Италии в VI в. и проникновение патронатных отношений в среду завоевателей-остготов, что является прямым следствием развития феодализма в остготский период итальянской истории, протекавшего на основе синтеза римских и германских общественных отношений.

¹ Это не исключает, однако, того, что в других случаях правительство Теодориха шло на некоторое ущемление интересов фиска в угоду крупным землевладельцам. См. выше, стр. 85—86.

² *Ille vero qui possessa ab aliis praedia titulis occupaverit, capite puniatur.* — ETh, § 47.

³ Cassiod. *Variae*, III, 20.

⁴ *Ibid.*, IV, 14; V, 16; IX, 18.

⁵ *Ibid.*, II, 24, 25; III, 5, 20, 36; IV, 39, 40, 42; VIII, 31.

Весьма распространенным методом захвата и незаконного присвоения крупными землевладельцами имущества разорившихся мелких и средних собственников в остготском государстве являлась долговая кабала и связанные с ней различные злоупотребления.

Включение в эдикт Теодориха ряда постановлений, в большинстве случаев почерпнутых из римского долгового права и регулирующих взаимоотношения между кредиторами и должниками (ETh, § 122—127), естественно, было вызвано реальными потребностями того времени и указывает на распространенность долговых обязательств и различных кредитных сделок. Феодализирующаяся остготская и римская знать широко использовала долговые обязательства для незаконного приобретения имущества несостоятельных должников. Так, например, весьма распространенным способом незаконного приобретения знатью чужого имущества являлись самовольные захваты кредиторами залогов у несостоятельных должников¹, а также насильственный захват кредиторами у должника имущества, не отданного в залог. Эдикт Теодориха (§ 124) гласит следующее: „Если кредитор насильственным образом захватит у должника имущество, не отданное ему в залог, и если в течение года будет привлечен к ответственности за это преступление, то пусть возвратит захваченное в четырехкратном размере, по истечении же этого срока он обязан выплатить в одинарном размере (in simplum). Смысл законов требует, чтобы это [постановление] имело силу и в отношении насильственно захваченных плодов (fructibus)“². Заключительная часть этого постановления показывает, что незаконно захваченным у должника имуществом в первую очередь являлись земельные владения, ибо эдикт особо оговаривает возвращение кредитором прежнему хозяину стоимости урожая, собранного с присвоенного кредитором земельного участка должника³.

Знатные и влиятельные лица из числа крупных землевладельцев Италии использовали свое положение в обществе для заключения различных неблагоприятных сделок, связанных с долговыми обязательствами и имевших своей целью вымогательство имущества у разоренных жителей Италии. На это указывает предписание эдикта Теодориха, запрещавшее под страхом потери долга передачу долговых обязательств „могущественным“ лицам с целью при их помощи добиться взыскания долга⁴.

Не подлежит сомнению, что знатные лица брали на себя взыскание долгов по долговым обязательствам других лиц, преследуя прежде всего свои корыстные цели, и извлекали из подобных операций известные выгоды. Подобно тем случаям, когда знатные вельможи выступали „покровителями“ мелких собственников в судебных процессах, извлекая при этом определенный доход, и теперь за содействие при взыскании долга они, повидимому, получали какую-то его часть в свою пользу.

Наконец, могущественные лица из числа римской и остготской знати, используя свое влияние, стремились переложить основную тяжесть уплаты государственных податей на мелких землевладельцев, что приводило к дальнейшему разорению последних⁵.

¹ ETh, § 123; Cassiod. Variarum, IV, 10. Ср. Paulus. Sententia, V, 26, § 4.

² Ср. Paulus. Sent., V, 26, § 4. Dig., XLVIII, 7, 8; IV, 2, 14, § 7.

³ Quod etiam de fructibus violenter ablati sarvari debere legum ratio persuadet. — ETh, § 124.

⁴ Amittant repetitionem debiti creditores, qui cautiones debitorum suorum potentibus tradiderint, et per eos magis exactionem mutuae pecuniae voluerint procurare. — ETh, § 122. Ср. Cod. Theod., II, 13. 1.

⁵ Cassiod. Variarum, I, 19; IV, 44.

Таким образом, мы видим, сколь разнообразны были способы, применяемые остготской и римской феодализирующейся знатью Италии VI в. для захвата новых земельных владений, умножения своих богатств, увеличения политического влияния в стране.

Насколько серьезно остготское правительство должно было считаться с все возрастающим влиянием феодализирующейся знати, весьма ярко свидетельствует заключительная статья эдикта Теодориха. В этой статье наглядно проявляются весьма основательные опасения законодателя о том, что предписания эдикта не будут выполняться именно представителями могущественной, а порою и непокорной знати. По этому поводу эдикт Теодориха гласит следующее: „И пусть никакой знатный, или богатый, или могущественный, или военный, или почтенный гражданин никоим образом не дерзает идти против того, что здесь разумным образом установлено“¹. Больше того, судьям, которые были обязаны следить за выполнением постановлений эдикта, строжайшим образом предписывается, под угрозой личной ответственности, в случае, если они сами не смогут воздействовать на какое-либо нарушающее предписания эдикта „могущественное“ лицо, будь то „варвар“ или римлянин, или его прокуратор, заместитель или даже кондуктор, немедленно передавать дело в королевскую курию². Ибо, заключает законодатель, „то, что установлено для обеспечения спокойствия всех провинциалов, должно всеми ревностно охраняться“ („quia quod omnium provincialium securitate provisum est, universitatis debet servare devotio“).

Следует, кроме того, отметить, что во введении к эдикту Теодориха законодатель указывает на многочисленные поступающие к нему жалобы о том, что „некоторые лица в провинциях попирают предписания законов“³.

Можно высказать предположение, что под этими лицами, нарушающими в провинциях предписания законов, законодатель подразумевал, в частности, и непокорную знать, не желавшую подчиняться постановлениям центрального правительства.

Подводя некоторые итоги всему вышесказанному, мы можем прийти к заключению, что в остготский период истории Италии происходили существенные сдвиги в отношениях собственности, продолжался процесс дальнейшего роста крупного светского землевладения как остготской, так и римской феодализирующейся знати, протекавший в обстановке сложной социальной и политической борьбы.

Тем самым уже в этот период началось формирование феодальной собственности на землю и были заложены основы консолидации и могущества будущего господствующего класса феодального общества, возникающего на почве слияния „варварской“ и римской знати на территории Италии.

¹ Nec cuiuslibet dignitatis, aut substantiae, aut potentiae, aut cinguli vel honoris persona, contra haec, quae salubriter statuta sunt, quolibet modo credat esse veniendum.—ETh, § 155.

² Quod si forsitan persona potentior, aut eius procurator, vel vicedominus ipsius, aut certe conductor, seu barbari, seu Romani, in aliquo genere causae praesentia non permiserint edicta servari, et iudex, cuius intererit, obsistere, aut vindicare, aut obviare non potuerit, in nostram illico, si sibi consulit, instructa ex omnibus relatione, dirigat, deposita totius formidinis suspicione, notitiam. Hac enim sola ratione a culpa esse poterit absolutus.—ETh, § 155. Этот параграф является полностью самостоятельным предписанием остготского правительства.

³ Querelae ad nos plurimae pervenerunt, intra provincias nonnullos legum praecepta calcare.—ETh., praef.

КРУПНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ИТАЛИИ В VI в.

В VI в. в Италии, одновременно с укреплением и расширением светского крупного землевладения, продолжается рост земельных владений церкви; основы будущих земельных богатств католической церкви были заложены уже в этот период.

Образование крупного церковного и монастырского землевладения в VI в. происходило как за счет пожалований со стороны остготских королей (главным образом в пользу арианской церкви)¹ и дарений частных лиц², так и преимущественно за счет захвата церквами и монастырями земель разорившихся мелких собственников³.

О значительных земельных пожалованиях в пользу церкви ценные сведения содержатся в особом постановлении короля Теодориха от 508 г., которое обычно рассматривается как дополнение к эдикту этого короля⁴. Запрещая духовенству отчуждать церковные земли и другое имущество церкви, остготское правительство в этом эдикте упоминает особо об имуществе, переданном церкви в виде дара частными лицами, и мотивирует запрещение отчуждать церковные земли следующим образом: „Что может быть более нечестивым, чем то, чтобы в этом отношении попиралась воля жертвователя; ведь то, что он хотел видеть принадлежащим церкви, присваивают себе частные лица для того, чтобы пользоваться доходами с этого“⁵.

В правление короля Теодориха и его ближайших преемников остготское правительство заботилось в первую очередь о наделении земель арианской церкви. Иногда наделение земель арианского духовенства производилось в том же порядке, в каком проходил раздел земель между готами и римлянами; из имения какого-либо римского possessора выделялась третья часть земель и передавалась духовному сановнику⁶. Но наиболее распространенным явлением было пожалование церкви земельных владений из фонда государственных земель⁷.

О значительных размерах земельных богатств арианской церкви в период правления остготов в Италии можно судить по сообщению историка Равеннской церкви Агнелла о том, что после завоевания Италии византийскими войсками по приказанию императора Юстиниана у арианских церквей было конфисковано их имущество, состоящее из городских и сельских имений, пригородных вил и значительного числа храмов, которые подробно перечисляются в труде Агнелла⁸. Все эти богатства арианских церквей были после византийского завоевания переданы католическому духовенству, оказавшему активную поддержку завоевателям.

Для приобретения новых земель церковь, прикрываясь различными лицемерно-благочестивыми доводами, фактически не гнушалась прямого насилия, различных вымогательств, подлогов, составления ложных завещаний и других самых темных махинаций.

¹ Cassiod. *Variae*, II, 29.

² ETh. App. MGH. *Legum*, t. V, p. 169—170.

³ Cassiod. *Variae*, IV, 44; IV, 18.

⁴ ETh. App. MGH. *Legum* t. V, p. 169—170.

⁵ Quid enim tam profanum est, quam ut in hac largientis parte violetur arbitrium, dum quod ad ecclesiam quisque voluerit pertinere, privatae sibi vindicent pro usufructuariae personae contractum. *Ibid.*, p. 170.

⁶ Cassiod. *Variae*, I, 14.

⁷ *Ibid.*, II, 17.

⁸ Agnelli liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. MGH. *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX*, vol. I, p. 334 et sq.

Так, например, имеются сведения о насильственных захватах духовенством земель и имущества разорившихся крестьян, для чего церковь использовала зависимых от нее людей.

В одном из рескриптов короля Теодориха от 507—511 гг. с негодованием сообщается о насильственном захвате людьми церкви (*homines ecclesiae*) в епархии Поленского епископа Антония дома (*casa*), законным владельцем которого в течение многих лет был некий Стефан¹. Остготское правительство предписывает епископу Антонию проверить факты, возратить потерпевшему захваченное у него имущество и впредь не разрешать своим слугам (*familiares*) чинить насилия. Однако, если претензии церкви на имущество Стефана окажутся законными, правительство приказывает расследовать дело в судебном порядке и вынести надлежащее решение.

Нередко в распоряжении видных духовных сановников Италии находились вооруженные отряды, составленные из зависимых людей церкви. Эти отряды применялись не только для защиты владений церкви, но и для насильственных захватов чужих земель². Так, например, в одном из писем Кассиодора, датированном 507—511 гг., рассказывается о том, что некий Юлиан обратился к остготскому правительству со слезной жалобой на епископа Оригена, сообщив, что его жена и имущество подверглись незаконному нападению и его владения были захвачены людьми епископа. В ответ на эту жалобу остготское правительство потребовало от епископа Оригена в том случае, если справедливость обвинения подтвердится, немедленно возратить захваченное имущество законному владельцу, а виновных в совершении этого преступления предать наказанию³.

С целью незаконного присвоения чужих земель духовенство прибегало к подделке завещаний, захватывая земли законных наследников, на что поступали жалобы в королевский суд⁴. Встречались случаи ограбления духовенством фамильных склепов знати, осквернения могил⁵. Нередко духовенство, пользуясь неурожаем, несущим голод и другие бедствия трудовому населению Италии, спекулировало хлебом и другими продуктами питания, наживая на подобных злоупотреблениях большие деньги. Так, например, высшие церковные сановники осенью 527 неурожайного для Италии года скупили значительные запасы зерна, с тем чтобы впоследствии продать их по повышенным ценам. Пользуясь голодом, они нажили на этой спекуляции большие богатства⁶.

Чрезвычайно важные сведения о неустанном стяжательстве католической церкви и постоянных заботах римского престола о расширении ее владений и приумножении богатств содержит обширная переписка пап, частично восходящая к VI в.⁷

¹ *Stephanus siquidem flebili aditione conquestus est casam iuris sui ante decessorem prodecessorem vestrum longa aetate, possessam ante hos fere novem menses ab hominibus ecclesiae, cui praesidetis, despecto civilitatis ordine fuisse pervasam.*—*Cassiod. Variarum*, IV, 44.

² *Ibid.*, IV, 44; III, 14.

³ *Iulianus itaque nobis lacrimabili aditione conquestus est uxorem suam vel res a vestris hominibus iniusta usurpatione pervasas. Unde si veram petitionem supplicantis agnoscitis nec se rationabiliter pulsatus absolvit, in auctorem facti sine aliqua tarditate resocate.*—*Cassiod. Variarum*, III, 14.

⁴ *Ibid.*, XII, 5.

⁵ *Ibid.*, IV, 18.

⁶ *Ibid.*, IX, 5.

⁷ *Regesta pontificum Romanorum*, ed. Ph. Jaffé, vol. I, Lipsiae, 1885.

Так, например, папа Сильверий, заботясь о закреплении за монастырями их земельных владений, издал особое постановление, запрещающее передавать земли монастыря кому бы то ни было, даже самому королю, или продавать их. Разрешалось лишь обменивать земли одного монастыря на земли другого или передавать монастырские владения другому монастырю¹.

Папа Вигилий (537—555 гг.), по данным источников отличавшийся крайней скупостью и корыстолюбием, в своих письмах к подвластным ему епископам и другим духовным лицам проявлял суровую требовательность и неутомимую заботу прежде всего об аккуратном и своевременном поступлении в папскую казну сборов с церковных патримониев Италии².

Так, например, в одном из своих посланий от 549 г. он настойчиво требует, чтобы некий Себастиан Дякон, посланный в Далмацию для управления церковными патримониями, не возвращался бы оттуда до тех пор, пока не соберет все взносы с церковных владений³.

Папа Пелагий I (555—560 гг.) не уступал Вигилию в требовательности в отношении сбора церковных доходов и крайней скарденности. В письме, датированном 556 г., этот понтифик, обращаясь к патрицию Пладицу, предупреждает его о необходимости скорейшей присылки собранных с церковных владений Арелатской епархии взносов и предлагает ему закупить в той области шерстяные плащи, белые туники и другие одежды, необходимые для духовенства, и прислать их в Рим⁴. При этом он жалуется на трудности сбора церковных доходов в самой Италии⁵. Настойчивые требования присылки взносов с церковных патримониев и суровые попреки дефензорам различных церквей за несвоевременное поступление этих сборов являются лейтмотивом многих других писем папы Пелагия⁶. Привлекает особое внимание письмо этого папы от 555 г., которое проливает свет на размеры церковных владений и их доходы. В этом письме папа подтверждает, что епископ Цингуланской⁷ церкви Иоани внес в счет сборов с церковных патримониев, которых было в Пиценской области свыше 11, за 7-й индикт взносы в сумме 500 золотых солидов⁸.

Папа сурово предписывал духовенству заботиться о сохранении и приумножении церковного имущества, в том числе зависимых от церкви людей⁹. В письме к епископу города Нарни папа Пелагий I требует, чтобы этот епископ проявил рвение и позаботился о возвращении отчужденных у церкви земель¹⁰.

Таким образом, в центре внимания папства и высшего духовенства в Италии находилось постоянное стремление к расширению и округлению церковных земель и увеличению доходов церквей и монастырей Италии.

В конце VI в. среди римских пап особенно отличался своим неутомимым стяжательством папа Григорий I (590—604), который, повидимому, и был столь прославлен церковной традицией в первую очередь

¹ Regesta pontificum Romanorum, p. 115.

² Ibid., p. 117—121.

³ Ibid., p. 121.

⁴ Ibid., p. 126.

⁵ Ibid., p. 126—127.

⁶ Ibid., p. 127.

⁷ Город Cingulum (Cingoli) был расположен около Анконы.

⁸ Regesta pontificum Romanorum, p. 127.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 128.

потому, что он немало потрудился над приумножением богатств церкви, не гнушаясь для достижения своей цели никакими средствами. Об этом свидетельствует его собственная обширная переписка, в которой неоднократно упоминается о жалобах со стороны частных лиц на незаконные захваты церковью их земель и другого имущества, на нарушение людьми церкви границ частных владений, увод рабов, похищение инвентаря и другие подобные беззакония¹.

Так, например, в одном из посланий, датированном 591 г., папа Григорий I рисует поистине трагическую картину ограбления католическим духовенством населения Сицилии: „Кроме того, дошло до нас, — пишет он, — что со времени [управления] дефензора Антонина и вплоть до текущего десятилетия многие люди претерпели всяческие насилия со стороны римской церкви, так что они открыто жалуются на то, что в пределы их владений совершенно насильственное вторжение, рабы угнаны, даже движимое имущество отнято, и не по суду, а силой“².

Для поддержания авторитета церкви и прекращения жалоб населения папа предписывает духовенству возвратить законным владельцам отнятое у них имущество и впредь не допускать, чтобы ограбленные землевладельцы обращались с жалобами к папскому престолу. Вместе с тем Григорий I советует подчиненным ему епископам со всей тщательностью собирать подати и арендную плату с зависимого от церкви населения, но избегать насильственного захвата чужого имущества³.

Значительный интерес для выяснения методов приобретения духовенством новых земель имеет сообщение Григория I о том, что церковь нередко налагала свои *tituli* на чьи-либо городские или сельские имения без достаточных законных оснований для этого. Подобные злоупотребления духовенства, повидимому, приобрели такой размах, что папа принужден был издать особый декрет, запрещающий под страхом анафемы насильственные захваты духовенством чужого имущества⁴. Таким образом, мы видим, что установление межевых знаков с указанием имени владельца на чужих землях производилось не только светскими землевладельцами, но и духовенством, и также являлось одним из путей дальнейшего расширения церковно-монастырского землевладения.

В „Диалогах“ того же папы Григория I содержатся интересные, почерпнутые из конкретной действительности сведения, весьма ярко отражающие нравы того времени. В этих „Диалогах“ имеются многочисленные упоминания о монастырях и церквях Италии, а иногда и об их владениях. Так, например, в одном из своих „Диалогов“ Григорий I рассказывает, что один из монастырей в Кампании, во главе которого стоял некий Либертин, прославился своим богатством, что привлекло к его стенам грабителей-франков из отрядов Буцеллина (553—554 гг.)⁵. Подобные примеры, свидетельствующие о росте богатств церкви в VI в., можно было бы умножить.

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum. MGH, Epp., t. I, I, 39, etc.

² Praeterea pervenit ad me ab Antonini defensoris temporibus nunc usque in hoc decennio multos a Romana ecclesia quasdam violentias pertulisse, ita ut quidam publice conquerantur, fines suos violenter invasos, mancipia abstracta, res etiam mobiles manu non iudicio aliquo ablatas—Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 2.

³ Ibid., § 2.

⁴ Maxime quia et decretum sub anathematis interpositione constitui, ne unquam a nostra ecclesia urbano vel rustico praedio tituli debeantur inponi. — Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 5.

⁵ Gregorii Magni dialogorum libri I. MGH. Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum, I, p. 525.

Остготское правительство, особенно в период правления короля Теодориха и его ближайших преемников, поощряло дальнейший рост церковного землевладения и покровительствовало церкви, в первую очередь арианской, но стремилось также сохранять миролюбивые отношения и с католической церковью. Политика остготского правительства Теодориха по отношению к церкви, так же как и по отношению к крупному светскому землевладению, носит сугубо классовый характер: в основном она преследовала цели укрепления крупного церковного землевладения и охраны привилегий церкви, являвшейся важной идеологической опорой господствующего класса.

Широко известно настойчивое стремление правительства Теодориха установить мирные отношения с католической церковью. Политика терпимости по отношению к католикам нашла весьма отчетливое выражение в „*Variae*“ Кассиодора¹. Кассиодор следующим образом сформулировал политическое credo остготского короля в этом вопросе: „Мы не можем предписывать веры, ибо нельзя силой заставить человека верить“². По словам Кассиодора, Теодорих стремился одинаково „справедливо“ относиться как к арианскому, так и к католическому духовенству, и поэтому виновные в правонарушениях арианские епископы не спасались от суда этого короля³. О терпимости Теодориха к католической церкви сообщает и другой современный ему хронист⁴.

Однако в законодательстве остготского правительства, особенно в эдикте Теодориха, церковной политике и вопросам, связанным с положением церкви, отводится сравнительно незначительное место. Подобное умолчание, повидимому, можно объяснить известной осторожностью правительства Теодориха, которому порой приходилось лавировать между арианским и католическим духовенством. Правительство Теодориха, повидимому, опасалось, что, даруя особые привилегии арианской церкви, оно могло вызвать сильное недовольство католического духовенства, с которым принуждено было считаться; в то же время, уравнив положение католической церкви с положением арианской, оно навлекло бы на себя серьезные нарекания со стороны ариан.

Но и те, сравнительно немногочисленные, постановления, касающиеся церкви, которые имеются в эдикте Теодориха и в других законодательных памятниках того времени, не оставляют сомнения в том, что остготское правительство стремилось законодательными мерами укрепить положение церкви и способствовать дальнейшему росту церковного землевладения.

Особенно показательным для подобной политики остготского правительства является предписание, изданное королем Теодорихом в 508 г.⁵. Это постановление было направлено против отчуждения высшим духовенством церковных имуществ⁶. Согласно этому эдикту, духовенству Италии (как арианскому, так и католическому) категорически запрещалось продавать, дарить или каким-либо иным способом отчуждать церковное имущество, находившееся в его распоряжении. За незаконное отчуждение духовными лицами церковных владений предписывалось

¹ Cassiod. *Variae*, V, 33; XI, 18, 27, 33.

² Ibid., XI, 27.

³ Ibid., XI, 18.

⁴ Anonymus Valesianus. MGH. Auct. Ant., t. IX, p. 322—323.

⁵ Eth. App., p. 169—170. См. выше, стр. 105.

⁶ Cp. Nov. Just., VII.

суровое наказание в виде конфискации всего имущества духовного сановника, виновного в этом преступлении¹.

Это важное предписание остготского правительства имело своей целью сохранение неприкосновенности церковного имущества и фактически способствовало дальнейшему росту церковного землевладения, поощряя пожалования и дарения в пользу церкви и заботясь об их сохранности.

Нередко остготское правительство в судебных процессах и при разборе различных тяжб между духовенством и частными лицами принимало сторону церкви. Правительство предписывало правителям отдельных областей Италии защищать интересы церкви от незаконных притязаний со стороны „могущественных“ лиц. Так, например, остготское правительство направило комуиту готов (comes Gothorum) по имени Адиле специальный рескрипт, предписывавший ему охранять сицилийские владения Миланского епископства². Незаконно захваченное кем-либо церковное имущество, в том числе и земли, по предписанию остготского правительства, вновь возвращались церкви. Лишенные незаконным образом своего сана епископы нередко восстанавливались на своих кафедрах по особому предписанию остготского правительства. Укреплению церковного землевладения и расширению владений церкви способствовали также и некоторые постановления эдикта Теодориха³. Так, например, эдикт Теодориха устанавливал, что все имущество духовных лиц и клириков, умерших без завещания и не имевших законных наследников, передается церкви⁴.

Остготское правительство не только заботилось об укреплении церковного землевладения, но и способствовало удовлетворению потребности церковных имений в рабочих руках. В этом отношении в достаточной мере показательным является предписание эдикта Теодориха, в общих чертах совпадающее с одной из статей Вестготской правды⁵. Этот параграф эдикта Теодориха гласит следующее: „Если приговоренных и осужденных по суду насильственно похитят клирики или кто-либо другой, то они сами привлекаются к несению наказания, т. е. к уплате того, что по приговору [суда] должен был уплатить осужденный, и если окажется, что это совершено с согласия и при пособничестве судьи, то этот судья должен будет уплатить [штраф] в 5 либр золота“⁶.

Это предписание эдикта Теодориха указывает, что в судебной практике того времени бывали случаи, когда преступников, осужденных за какое-либо правонарушение, похищали клирики или другие заинтересованные в том лица. Упоминание клириков среди лиц, похищающих осужденных, является свидетельством того, что в этот период церковь, как и светские землевладельцы, остро нуждалась в рабочих руках и прибегала к разного рода махинациям для их приобретения.

¹ Ergo si quis scaelestis ausibus interdicta praesumpserit, et ultra usufructum retinere cepit, episcopo vel clero largiente, alienata res protinus cum fructibus a veniendo praesole vindicentur. — ETh. App., p. 170.

² Cassiod. Variarum, II, 29. См. выше стр. 91.

³ ETh, § 26, 114, 125, 126.

⁴ Clericos religiosasque personas intestatas deficientes, quotiens defuerit qui iure succedat, locum ecclesiae suae secundum leges facere debere praecipimus. — ETh, § 26.

⁵ ETh, § 144; Lex Visigothorum, VII, 4, 3.

⁶ Si addictos damnatosque iudiciis clerici vel quilibet alii violenter eruerint, ipsi ad poenam vel ad dispendia teneantur, quae sententia in convictos prolata statutis monstrabitur: et si conniventia iudicis vel conludio hoc claruerit perpetratum, quinque auri libras idem iudex cogatur exsolvere. — ETh, § 114. Cp. Cod. Theod., IX, 3. 5; IX, 1. 7.

Одним из таких незаконных методов приобретения работников являлся, повидимому, сговор между духовенством и судебной администрацией о фактической передаче осужденных в распоряжение церкви под видом их похищения. О подобных сделках свидетельствует включение в эту статью эдикта Теодориха особого дополнительного предписания — являющегося полностью нововведением остготского правительства — о материальной ответственности судей, способствовавших похищению преступников. В реальной действительности бывали, повидимому, случаи, когда духовенство даже соглашалось заплатить за преступника тот штраф, который он был обязан внести за совершенное им преступление, с тем чтобы получить его в свое распоряжение. Очевидно, переданные духовенству осужденные превращались затем в зависимых людей церкви и использовались духовенством на различных работах в церковных имениях.

Нередки, повидимому, были случаи применения духовенством и прямого насилия для приобретения необходимых церкви рабочих рук. Так, например, в переписке папы Григория I имеются сведения о насильственном похищении духовенством чужих рабов¹ и о принятии беглых рабов в церковные владения. Относительно удержания духовенством беглых рабов Григорий I пишет следующее: „Мы знаем, что многие возбуждают дело о потерянных рабах, говоря, что если чей-либо раб бежал от своего господина и объявил себя принадлежащим к людям церкви, то ректоры церкви владеют им как церковным рабом, делая это не на основании решения какого-либо суда, но защищая силой утверждение раба“². Не желая усиливать недовольство землевладельцев, Григорий I предписывает возвратить незаконно приобретенных рабов их прежним хозяевам еще до разбора дела в суде, но указывает, что в случае, если церковь имеет на них какие-либо права, следует настойчиво отстаивать их и привлекать к судебной ответственности тех лиц, которые без достаточных оснований требуют возврата рабов, принадлежащих церкви.

Важной привилегией, дарованной остготским правительством церкви в целях укрепления ее экономического могущества, было освобождение церковных имений от уплаты государственных налогов. Так, в 507 г. правительство Теодориха санкционировало предписание римского синода об освобождении церковных имений от уплаты поземельной подати и выполнения различных повинностей в пользу государства.

В интересах упрочения политического влияния церкви остготское правительство законодательным путем подтверждало и другую весьма важную для церкви привилегию — право церковного убежища (ETh, § 125—126).

При этом право церковного убежища предоставлялось остготским правительством как католической, так и арианской церкви (ETh, § 125). С этой целью в законодательство было внесено существенное изменение по сравнению с предписаниями римского права. Если в постановлениях римских императоров право церковного убежища предоставлялось лишь ортодоксальной церкви, т. е. господствующей католической церкви (*sacrosanctae ecclesiae orthodoxae fidei*) (Cod. Iust., I, 12. 6), то в эдикте

¹ Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 2, 3.

² Plerosque vero cognovimus de amissis mancipiis conqueri, dicentes, quia si servus cuiuspiam fortasse dominum suum fugiens iuris ecclesiastici se esse professus est, rectores ecclesiae protinus hunc ut servum ecclesiastici iuris habuerunt, nullo agentes iudicio, sed servi vocem manibus defendentes. — Gregorii I papae registrum epistolarum, I, 39-a, § 3.

Теодориха эта привилегия была дарована всякой церкви — *ecclesiae, id est loci religiosi*¹.

Таким образом, согласно этому предписанию эдикта Теодориха, арианская церковь в отношении такой существенной привилегии, как право церковного убежища, уравнивалась с католической².

Не подлежит сомнению, что это важное нововведение остготского правительства было сделано в интересах арианской церкви и непосредственно под давлением арианского духовенства. В то же время привлекает внимание чрезвычайная осторожность остготского правительства в выборе выражений, формулирующих это предписание: правительство намеренно воздержалось от особого упоминания арианской церкви и прибегло к общим, в достаточной мере расплывчатым выражениям (*ecclesiae, id est loci religiosi*), очевидно, для того, чтобы не раздражать католического духовенства. Таким образом, нововведения остготского законодательства относительно права церковного убежища были прямым отражением церковной политики остготского правительства; они проливают некоторый свет на взаимоотношения остготского правительства с арианским и католическим духовенством.

О том, насколько большое политическое значение имело для духовенства предоставление права церковного убежища, свидетельствует введение остготским правительством смертной казни в качестве наказания за нарушение этой важной привилегии церкви (ETh, § 125).

Право церковного убежища распространялось законодательством и на должников фиска. Согласно особому постановлению эдикта Теодориха, никакой куриал, табулярий или сборщик податей не мог требовать отдачи в долговую кабалу несостоятельного должника, если тот нашел убежище в церкви (ETh, § 126). К церковному убежищу, по данным эдикта Теодориха, прибегали не только несостоятельные должники, но и рабы³.

Анализ законодательных предписаний, касающихся права церковного убежища, приводит нас к заключению, что именно в этих постановлениях особенно отчетливо выявляется социальная функция церкви в остготском государстве — основной обязанностью церкви являлась отнюдь не защита несостоятельных должников и беглых рабов от преследований со стороны кредиторов и господ, а, наоборот, на духовенство возлагалась важная миссия — от должников добиваться уплаты долга, а беглых рабов возвращать их господам. Так, например, особая статья эдикта Теодориха предписывает духовенству „убеждать“ несостоятельных государственных должников, нашедших убежище в церкви, уплатить долг и покинуть убежище; в случае же отказа должник должен отдать все имущество, принесенное им в церковь. Если же должник откажется добровольно это сделать, то архидиакон той церкви, где он нашел убежище, должен уплатить его долг государству⁴.

¹ Si quis de ecclesiis, id est locis religiosis, homines traxerit, vel aliquid violenter crediderit auferendum, capite puniatur. — ETh, § 125.

² F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. IV, S. 92.

³ ETh, § 70. Необходимо отметить, что римское право предоставляло убежище в церквах не только беглым рабам, но и колонам, спасавшимся от преследования своих господ (Cod. Just., I, 12. 6); эдикт Теодориха о колонах молчит, а упоминает лишь о рабах.

⁴ ETh, § 71. Остготское правительство в этой статье эдикта внесло некоторые изменения в нормы римского права. Если Cod. Theod., IX, 45 указывает, что обязанность уплаты долга за несостоятельного должника, нашедшего убежище в церкви, ложится на епископа, то эдикт Теодориха возлагает эту обязанность на архидиакона той церкви, где должник нашел себе убежище.

Таким образом, само духовенство несло материальную ответственность перед государством в том случае, если оно не сумело добиться от несостоятельного должника, прибегнувшего к церковному убежищу, уплаты долга фиску.

Можно высказать предположение, что в отдельных случаях духовенство предпочитало уплатить долг за несостоятельного должника с тем, чтобы, использовав экономические затруднения последнего, превратить его затем в зависимого от церкви человека. Это делалось с целью использовать труд несостоятельного должника в интересах церкви, точно так же, как в случаях похищения клириками осужденных за какие-либо правонарушения духовенство, повидимому, использовало труд этих преступников для обработки церковных имений. Однако чаще всего духовенство выполняло свои обязанности по отношению к государству и принимало решительные меры для того, чтобы добиться уплаты несостоятельным должником государственного долга.

Таким образом, фактически введение материальной ответственности духовенства за уплату долга должниками фиска весьма существенным образом ограничивало для них реальное право церковного убежища, а духовенству давало возможность извлекать из права церковного убежища известные выгоды, иногда прибегая к „выкупу“ несостоятельных должников, в использовании труда которых оно было заинтересовано.

Особенно ярко социальная функция церкви, действовавшей в интересах господствующего класса, проявляется в предписании эдикта Теодориха, касающегося церковного убежища для беглых рабов. Статья эдикта, посвященная этому вопросу, гласит: „Если какой-либо раб любой национальности будет искать убежища в какой-нибудь церкви¹, пусть он немедленно будет передан господину, обещающему прощение: мы предписываем, чтобы он там оставался не более одного дня. В случае его отказа покинуть [убежище], пусть духовное лицо, архидиакон той самой церкви, или пресвитер и клирики, принудят его возвратиться к своему господину и пусть без промедления передадут его господину, при условии прощения [раба]“².

Таким образом, духовенство, выполняя свою социальную функцию защиты интересов господствующего класса, обязано было прежде всего заботиться о возвращении беглых рабов их хозяевам, даже применяя для достижения этой цели меры принуждения. Лицемерная оговорка о прощении господином беглого раба как необходимым условием его возвращения вряд ли имела реальное значение, ибо если господин даже и давал обещание простить провинившегося раба, то, получив беглеца в свои руки, он мог в дальнейшем безнаказанно нарушить это обещание и расправиться с рабом по своему усмотрению.

В отдельных случаях духовенство могло оставить у себя беглого раба, но обязано было выдать за него господину другого раба, одинакового с ним качества³.

¹ Имеются в виду как католические, так и арианские церкви.

² Si servus cuiuslibet nationis ad quamlibet ecclesiam confugerit, statim domino veniam promittente reddatur: nec enim ultra unum diem ibidem residere praecipimus. Qui si exire noluerit, vir religiosus archidiaconus eiusdem ecclesiae, vel presbyter atque clericus, eundem ad dominum suum exire compellant, et domino indulgentiam praestanti sine dilatione contradant. — ETh, § 70.

³ Quod si hoc suprascriptae religiosae personae facere forte noluerint, aliud mancipium eiusdem meriti domino dare cogantur. — ETh, § 70. Cp. Cod. Just., I, 12. 4, 5; I, 3. 12, 1; Cod. Theod., IX, 45. 5.

Можно предположить, что иногда, в случае острой нехватки рабочих рук в церковных имениях, духовенству было выгодно задержать у себя беглого раба, договорившись с господином об уплате денежной компенсации.

Не подлежит сомнению, однако, что это делалось отнюдь не из гуманных стремлений духовенства облегчить участь беглого раба и спасти его от гнева господина, а из чисто практических соображений — использовать труд раба в церковном хозяйстве, а также в целях идеологического воздействия на народные массы путем создания у них ложного представления о церкви, как о защитнице всех угнетенных и обездоленных.

В конечном счете все законодательные предписания, касающиеся права церковного убежища для беглых рабов, защищали интересы господ, используя для этого авторитет церкви. В особенно неприкрытом виде эта социальная направленность законодательства того времени проявляется в заключительной части вышеприведенной статьи эдикта Теодориха, в которой говорится, что если господин сможет захватить вне церкви беглого раба, укрывавшегося в церковном убежище, то он немедленно забирает его себе¹.

Таким образом, постановления остготского правительства, предписывавшие духовенству возвращать укрывавшихся в церкви рабов их прежним хозяевам, фактически сводили на нет право церковного убежища для беглых рабов. Это право было выгодно прежде всего самой церкви, так как поднимало ее политический авторитет, и вместе с тем реальное применение этого права лишний раз показывало прочность союза церкви и государства на основе общности классовых интересов. Государство охраняло привилегии церкви, способствовало укреплению ее влияния, но взамен этого церковь верой и правдой служила господствующему классу.

Все это показывает неправомерность теории, созданной в буржуазной историографии, согласно которой церковь в средние века якобы являлась защитницей всех страждущих и угнетенных, заботилась об освобождении рабов и их защите от произвола господ и что именно под влиянием деятельности церкви якобы происходило постепенное смягчение рабства².

В остготский период в Италии оформляется и судебная власть церкви как прямой результат усиления ее экономического и политического влияния. Так, в правление короля Теодориха епископы не только творили суд над всеми подчиненными церкви людьми и всеми лицами духовного звания, но и разбирали многие дела, касавшиеся имущественных прав церкви и церковных владений. Даже особо важные дела о политических преступлениях, например, дела о государственной измене духовных лиц, рассматривались в суде епископа.

Некоторой уступкой церкви со стороны остготского правительства являлось еще одно предписание эдикта Теодориха, устанавливавшее, что в воскресные дни и на Пасху должны прекращаться все судебные тяжбы: в эти дни запрещалось разбирать какие-либо судебные дела. Виновный в нарушении этого предписания эдикта считался святотатцем³.

¹ Ita ut etiam illud mancipium, quod in ecclesiae latebris commoratur, si extra ecclesiam potuerit comprehendi, a domino protenus vindicetur. — ETh, § 70.

² А. Hadjinicolaou-Morava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950. См. М. Я. Сюзюмов, ВВ, т. V, 1952, стр. 280—284.

³ Die solis, qui dominicus nuncupatur, sed et diebus paschalibus, nullum praecipimus conveniri: qui contra fecerit, sacrilegii reus habeatur. — ETh, § 154. Cp. Cod. Theod., II, 8. 18; VIII, 8. 3.

Само собою разумеется, что для распространения своего влияния на широкие круги населения церковь была заинтересована в прекращении какого-либо судопроизводства в праздничные дни, которое могло бы отвлекать верующих от исполнения религиозных обрядов.

Таким образом, законодательство остготского правительства, особенно в период правления короля Теодориха и его ближайших преемников, деятельно охраняло интересы церкви, способствовало укреплению ее экономических позиций и политического влияния, что являлось важным звеном во внутренней политике остготского государства и отражало стремление правительства Теодориха заручиться поддержкой церкви. Особенно знаменательно для религиозной политики остготского правительства было желание по возможности смягчить и предотвращать столкновения между арианами и католиками, придерживаясь политики веротерпимости, опираться не только на арианскую церковь, но и стремиться получить поддержку также и католического духовенства.

В то же время мы видим, что арианская церковь в этот период все более и более теряет свою былую оппозиционность и использует свое положение в остготском государстве для дальнейшего приумножения своих богатств и привилегий¹. Католическое же духовенство, хотя и использует терпимость остготского правительства и, стремясь мирно ужиться с новыми завоевателями и избежать каких-либо конфликтов с правительством, оказывает ему поддержку; все же, повидимому, не может окончательно примириться с усилением позиций арианской церкви и поэтому все чаще и чаще обращает свои взоры на Восток, мечтая о восстановлении своего господствующего положения.

Подводя некоторые итоги, мы можем прийти к заключению, что в период правления остготов в Италии продолжался дальнейший рост крупного церковного и монастырского землевладения, происходил процесс расширения земельных владений как арианского, так и (хотя в несколько меньшей степени) католического духовенства. Источники VI в. неоспоримо свидетельствуют о дальнейшем укреплении экономического и политического влияния церкви, о росте власти церкви над зависимым от нее населением, об алчном стремлении духовенства к постоянному расширению церковных владений и к приумножению ее богатств. Источники рассказывают и о жестоких методах, применяемых духовенством для округления церковных патримониев, о насилиях, чинимых духовными сановниками, о различных махинациях и вымогательствах в отношении народных масс, к которым прибегали прелаты церкви для дальнейшего обогащения.

В этот период в Италии наряду с крупным светским землевладением феодализирующейся знати растет и крепнет церковно-монастырское землевладение. На этой основе разворачивается процесс формирования господствующего класса будущего феодального общества, в котором видная роль будет принадлежать высшему духовенству католической церкви.

Рождение этого высшего сословия феодального общества было окутано мрачной тенью неумоимого стяжательства и скопидомства, тайных насилий и преступлений, искусных политических интриг и заискивания перед могущественными „варварами“. Кровь и слезы народа, обман и преступления, невежество и суеверие — вот чем отмечены первые страницы истории католической церкви в ту отдаленную от нас эпоху.

¹ MGH. *Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX*, p. 334—335.

Рассмотрев материалы источников, касающиеся изменений в отношениях собственности в Италии VI в., мы можем прийти к заключению, что в период правления первых остготских королей на Апеннинском полуострове происходил неуклонный рост крупного землевладения остготской и римской феодализирующейся знати. Рост крупного землевладения происходил как за счет раздела земель завоеванного населения Италии и пожалований остготских королей, так и путем насильственного захвата знатью земель мелких и средних собственников.

Наряду со светским землевладением росло и укреплялось церковно-монастырское землевладение как арианской, так и католической церкви. Духовные сановники особенно отличались своим стяжательством и постоянным стремлением к приумножению своих богатств.

Мелкое свободное землевладение, несколько возросшее непосредственно после завоевания остготами Италии, в дальнейшем хотя и сохраняло свое значение, но все больше и больше начало уступать свои позиции¹. В связи с общим процессом феодализации уже началось поглощение мелкой свободной собственности крупным землевладением. Одновременно, на основе этих изменений в отношениях собственности, начался двуединый процесс формирования как господствующего класса будущего феодального общества, так и феодально-зависимого крестьянства. Данные источников показывают, что в остготский период в Италии уже начали оформляться права и привилегии феодализирующейся знати и высшего духовенства, все более и более укреплявших свои экономические позиции и расширявших политическое влияние. Вместе с тем происходили изменения в положении трудового населения Италии, свидетельствующие о начале процесса формирования феодально-зависимого крестьянства.

¹ Этому вопросу посвящена другая работа автора данной статьи.